

Юрий Бржечко

ТАЙНЫ МИРА

или

«В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ»

*(Разглагол Старца
с Послушником,
записанный самим
Послушником)*

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

САМИЗДАТ

2008

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемая рукопись была найдена в одном из старинных монастырей. О ее подлинности говорит хотя бы живой и непринужденный характер бесед. Время диалога, правда, до сих пор не удается с точностью установить. Возможно, разговор велся в одном столетии, а запись его уже производилась в последующем.

Удивляет по своей силе множество важнейших догадок, изложенных от имени Старца. Мы можем соглашаться с ними или не соглашаться, но выводы, сделанные им, совсем не противоречат современным фактам науки. Очевидно, Старец стихийно владел тем, что мы сейчас называем философией физики.

Что-то из предложенного текста может показаться наивным. Это неизбежно. Но вообще сам ход мыслей двух беседующих обращает на себя внимание и будит мысль. Не говоря уже о том, что в рукописи впервые содержится наглядная и доходчивая идея Гармонии Мира как единства сущего.

В данном материале редакция не позволила себе никаких изменений, кроме как чисто технических. Также редакция оставила за собой право выставить три эпиграфа, которые не могли еще знать два действующих лица, но которые как нельзя лучше относительно самой важной мысли Диалога могут прийтись к месту.

**Вселенная не где-нибудь, – вся тут.
Б.Ахмадулина**

**Там дикий сплав миров, где часть души
Вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.
А. Блок**

**Мне девять лет, она... ей девять тоже.
Вл. Соловьев**

БЕСЕДА ПЕРВАЯ **О ТРЕХМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВА**

Бог есть окружность и центр.
Н. Кузанский

ПОСЛУШНИК. Отче! Как же вы говорите, что никогда ничему не учились и не видели света, и познали тайну мира?

СТАРЕЦ. Сын мой, я действительно постиг тайну мироздания, не выходя из этой кельи.

ПОСЛУШНИК. Но как? Каким образом? Неужели вам стала известной тайна тайн происхождения нашего мира из бесконечности?

СТАРЕЦ. О, перед собой я вижу юношу, который прежде чем прийти сюда, многому научился. Ты задаешь самый первый и самый важный вопрос.

ПОСЛУШНИК. Но иначе и быть не может: наш мир – конечен, а Бог бесконечен. Значит, должна же быть какая-то закономерность в их соотношении.

СТАРЕЦ. Ты очень верно рассуждаешь, сын мой. Но скажи мне: действительно ли до сих пор всё это еще волнует людей? Или люди уже потеряли всякий интерес к подобным вопросам?

ПОСЛУШНИК. Я скажу о себе. Я учился долгое время на курсах натурфилософии, и этот вопрос неоднократно возникал на наших лекциях. Однако я ничего не могу припомнить

хоть что-то путное из всего того, что я слышал. В голове моей какой-то полный кавардак. Одни говорят – одно, другие – другое. Удивительно даже, как такой простейший вопрос смог обрасти такой несусветнейшей путаницей.

СТАРЕЦ. Сын мой! Я не знаю мира, ни того, что в мире, но мне кажется, что мир этот понастроил вокруг истины, которую он так хочет познать, множество непролазных лесов, где он окончательно запутался, и поэтому больше ставит вопросов, нежели решает их.

ПОСЛУШНИК. Именно так. И вы спрашивали о людях. Люди, не видя ясных ответов на волнующие их вопросы, давно уже разуверились во всем, и только редкие из них еще пытаются как-то разобраться в истине.

СТАРЕЦ. Истина... Разве можно постичь истину, устрояя ее громахующим железом суетливого познания? Истина любит покой и живет в скромном убежище бедного инок, даруя ему прекрасную обитель размышления о ней. Мудрец вдумывается в истину, и сама истина ведет его к себе своими тайными тропами. Истину можно познать и не выходя из кельи, потому что даруется она откровением мысли... а мысль наша всегда при нас.

ПОСЛУШНИК. Отче! Неужели вы хотите сказать, что тайну истины можно постичь напрямую от мысли, не прибегая ни к каким экспериментам, созерцая ее лишь умом?

СТАРЕЦ. Важнейшую истину, сын мой, которая может удовлетворить смысл нашего пребывания на этой Земле. Я не говорю о вопросах третьестепенных, без знания которых духу человеческому можно обойтись. Но сын, мой, как можно обойтись человеку без понимания того, где он живет? Что есть то, куда он послан?

ПОСЛУШНИК. Я тоже не раз думал об этом, отче, и это воистину так. Я представлял себе человека, запертого в одной большой темной комнате. И вот он сидит и не знает, где он. И вдруг вместо того, чтобы встать и исследовать прежде всего то место, куда он попал, человек этот начинает преспокойненько расхаживать себе по этой комнате и как ни в чем ни бывало принимается выстраивать целые планы на будущее! И это при всем том, что он даже не попытался выяснить, где же он все-таки находится... Сумасшествие какое-то!

СТАРЕЦ. Род человеческий вообще есть сплошное сумасшествие, если жизнь его не направлена на примирение с познанием.

ПОСЛУШНИК. Поэтому я и ушел из мира в поисках сокровенного; нигде никакие науки не объяснили мне того, что так меня волновало. Сызмальства слышал я, что существует наш мир и непостижимая бесконечность. И вот больше всего заинтересовало меня, пребывает ли наш мир хоть в каком-то отношении к этой бесконечности, и какова тайна этого отношения? Я надеялся найти ответ в Библии...

СТАРЕЦ. И ты прав, сын мой. Это первая мысль, которая может прийти к человеку по-настоящему мыслящему, и самый первый ответ находится, конечно же, в этой Священной книге. Но скажи мне: задумывался ли ты сам когда-нибудь о бесконечности?

ПОСЛУШНИК. Никогда, отче. Вернее, всегда, когда я задумывался над этим, я терял тут же всякую охоту этим заниматься. Как можно представить себе бесконечность?

СТАРЕЦ. Вот-вот. Твоя ошибка мне вполне понятна. Ты, как и всякий испорченный миром человек, стремишься непременно представлять. Но человеку, прежде всего, крайне необходимо научиться мыслить. Скажи мне: как ты мыслишь бесконечность? Какой фигурой она тебе представляется?

ПОСЛУШНИК. Вот видите, отче, вы также требуете от меня, чтобы я представлял.

СТАРЕЦ. Послушай, сын мой: одно дело, не видя океана, представлять его себе, и совсем другое дело, видя его, подобрать представление, на что он кажется схожим. Ты проявил полную невнимательность к моему вопросу. Я спросил тебя о фигуре, в какой может видеться тебе бесконечность. А это значит, что если ты верно ее мыслишь, то тебе представиться верное очертание твоей мысли.

ПОСЛУШНИК. Я боюсь показаться глупым, отче, но ничего кроме фигуры круга мне не лезет в голову. Бесконечность – это круг. Не так ли?

СТАРЕЦ. Твое мышление говорит мне о том, что оно не до конца еще испорчено. Но почему ранее, до встречи со мной, ты не пришел к этой простой и очевидной мысли?

ПОСЛУШНИК. Видимо, потому, что всё это время я пытался только представлять, то есть полагался исключительно

на рисунок воображаемых чувств, а надо было мыслить. Мыслить бесконечность можно только вполне подходящей тому фигурой – кругом. И это логично: начало и конец в круге смыкаются между собой. Разве это не наглядный образ бесконечности в области мысли?

СТАРЕЦ. Верно, сын мой. Бесконечность – это круг. Каким же он теперь тебе представляется: большим или маленьким?

ПОСЛУШНИК. Но разве бесконечность может быть большей или меньшей? Бесконечность – это бесконечность, и все применяемые к ней размеры просто не уместны.

СТАРЕЦ. О, да ты, я вижу, умеешь отстаивать свои взгляды. *Черное – это черное*. Похвально. Но на самом деле, ты прав. Бесконечность как круг – это действительно лишь фигура мысли. В ней именно видится образ самой мысли, а не представления, связанного со сходством с каким-либо чувственным предметом, который уводит нашу мысль очень далеко от истины.

ПОСЛУШНИК. Значение круга можно и объяснить. Так как начало и конец в нем сходятся, то он заключает в себе некий образ величественной полноты.

СТАРЕЦ. Ты заговорил, сын мой, как библейские поэты, которые умели мыслить и подбирать под свои мысли удивительные образы. Держись мысли, сын мой, и ты сумеешь беспрепятственно всегда следовать дальше, в глубинные тайны мира. Скажи мне однако, для установления нашей первой истины нам необходимо было выходить из кельи?

ПОСЛУШНИК. Нам даже не довелось пошевелить ни единым перстом! Но странные мысли все же, отче, начинают охватывать меня. Если бесконечность – это круг, то как мы сможем вывести из него наш мир, состоящий из трехмерности? Ведь круг бесконечен, а наш мир – конечен и именно так, что составляет по отношению к бесконечности ровно три меры. В какой фигуре всё это можно представить – ума не приложу! Да, дивные дела сотворишь Ты, Господи!

СТАРЕЦ. Поверь, сын мой, что это всего лишь самые разумные вещи, которые Он в силах сотворить. Но ответь мне: откуда людям стали известны столь сокровенные знания? Откуда они стали знать о трехмерности? Ведь идя их путем опытного познания, ничего подобного и близко не установишь.

ПОСЛУШНИК. И вы абсолютно правы, отче. Для людей трехмерность мира существует как простой факт: длина, ширина, высота. О происхождении трехмерности они ничего не знают и не хотят знать. Они только успешно используют ее в нужных целях, удовлетворяя свои потребности.

СТАРЕЦ. Но такой мир, сын мой, где всё делается для того, потому что нужно, и ничего для высшего понимания, такой мир, сын мой, повторяю я, не лучше ли назвать *нужником*, а не так, как его называют: величайшим созданием Бога?

ПОСЛУШНИК. Я с вами согласен, отче. Неправду эту чувствуешь повсеместно. Немудрено поэтому, что никто еще до сих пор не объяснил, каким это образом из бесконечности возникла трехмерность!

СТАРЕЦ. И не объяснят, сын мой. Эта тайна глубоко спрятана внутри Бога. Не так-то просто она может открыться. Поддай-ка мне сюда на свет Божий Библию.

ПОСУШНИК. Но неужели в Библии говорится об этом?

СТАРЕЦ. Откуда человек может знать, что на самом деле говорится в Библии, если разум его не просвещен свыше? На вот, лучше, поддержи свечу. Слушай, что говорит там Соломон от лица Мудрости, всегда пребывающей внутри Бога. Сама Мудрость говорит нам о делах Его. Слушай же внимательно. Она говорит: «Когда еще Он не сотворил «ни земли, ни полей, ни начальных пылинок Вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там». А теперь особенно напрягись умом: говорится о Боге, сотворившем мир из своей бесконечности: «Когда Он, – говорит о Боге находящаяся там с Ним Мудрость, – проводил круговую черту по «лицу бездны». «По лицу бездны!» Понимаешь ли ты?! «Круговую черту»!!

ПОСЛУШНИК. У меня нет слов, отче! Сколько раз читал я это место, но оно никак не доходило до меня. Я думал, что это просто высокие слова. Значит, круг таки имелся в планах Господа. И, вероятно, и вы, отче, оттолкнулись от этого места в своих рассуждениях?

СТАРЕЦ. Фома ты неверующий! Сколько я тебе об этом ни говорил, – не верил; вижу ведь по глазам твоим, что не верил. А вот только в Библии стоило указать, как тут же уверовал! Воистину: «Блаженны не видевшие»!..

ПОСЛУШНИК. Не сердчайте, отче! Но ведь все это такие поразительные вещи! Голова кругом идет, не то что... и все-таки меня сейчас больше всего занимает вопрос, как это из круговой бесконечной черты три меры мира нашего образовалось? Откуда и как возникла такая странная пропорция? Простите, отче, но тут мне видится какая-то дьявольски ужасная математика. Из круга, не имеющего меры, являются вдруг три меры! Чудеса, да и только.

СТАРЕЦ. Чудо скорее случилось бы, если бы этого не произошло. Из бесконечности по отношению к миру выплывает аккурат три меры.

ПОСЛУШНИК. Но как это может произойти, ума не приложу! Кто вообще способен измерить такую соотнесенность?

СТАРЕЦ. Да вот ты сейчас сам и обмеришь, мой друг.

ПОСЛУШНИК. Я?!?

СТАРЕЦ. Да, ты... не удивляйся. Обмерить – это лишь значит хорошенько поразмыслить. Ведь ты готов к размышлению? Да и сам предмет для мысли не очень-то и сложный. Как ты думаешь: где, по-твоему, может разместиться вид нашего мира, который мы собираемся взять в отношение к бесконечной окружности?

ПОСЛУШНИК. Ну, ясно, что не за пределами круга, так как это было бы за пределами бесконечности, что нереально.

СТАРЕЦ. Вижу, ты делаешь поразительные успехи! Хорошо, что же дальше?

ПОСЛУШНИК. Дальше... гм... дальше все очень просто: наш мир должен разместиться исключительно внутри круга!

СТАРЕЦ. Рад тебя приветствовать в ряду самых мудрых мужей! Ты точно указал местонахождение нашего мира. Он находится внутри круга. Внутри бесконечности – конечность!

ПОСЛУШНИК. Представляю, отче, ваше состояние, когда вас впервые осенила эта простая мысль!

СТАРЕЦ. Легко сказать осенила! Я помню эту минуту всю свою жизнь. И она пришла ко мне, когда я находился, вот как сейчас, в этих стенах. Это было много-много лет назад. Какой же восторг я тогда испытал! И вот, что я скажу тебе: восторг не припомнишь. Его можно только по-новому пережить.

ПОСЛУШНИК. О, я испытываю огромное удовольствие, общаясь с вами.

СТАРЕЦ. И никакие знание внешнего, заметь это юноша, никогда не могли привести меня хоть к каким-то открытиям. Все, чему я обязан, это мысль, углубляясь в которую, я удостоился откровений.

ПОСЛУШНИК. Удостоились откровения тайн, – так бы я сказал о вашем методе, отче.

СТАРЕЦ. Не знаю я никаких таких мудреных слов. Я знаю одно: есть только ясный ум да упование на благодать Божию. Вот и в нашем случае, как бы я догадался поместить поперечную линию в самой середине круга и назвать ее миром?

ПОСЛУШНИК. Пойдите, пойдите, отче! Я что-то начинаю соображать. Вы имеете ввиду круг, внутри которого размещен диаметр?! Так об это знает каждый школяр! Что ж из этого?

СТАРЕЦ. Из этого следует всё! Каким бы ты словом не назвал, что находится внутри круга, но фигура такая означает лишь одно: конечность нашего мира, которая находится внутри бесконечности. Но что с тобой, сын мой?

ПОСЛУШНИК. О Господи! О пресвятая Дева Мария!! Когда же я перестану быть таким беспросветным глупцом?! Сейчас вы соотнесете длину окружности с длиной диаметра и...

СТАРЕЦ. А ты думал?..

ПОСЛУШНИК. А я думал в точности, как и все: вот круг... вот диаметр...

СТАРЕЦ. Диаметр... слово-то какое! Понапридумывали же слов. Неужели нельзя назвать это попроще... поперечником окружности, что ли... что стоит, как кость в горле...

ПОСЛУШНИК. Как кость в горле... у Бога, хотели вы сказать, отче?

СТАРЕЦ. Возможно, что и так. Дело ведь не в красивых словах. Мне порой так отчетливо кажется, что мы действительно со всем своим миром стоим как бы поперек в Его горле. И пуще всего с надменным своим всезнайством. Ну, вот хотя бы взять, к примеру, этот ваш пресловутый *диаметр*. Что он дал миру, кроме своего повседневного практического использования? Каким-то непостижимым образом научились мы это ценить больше всего, тогда как главная мысль о Боге этим не высказалась! Не умеем мы все же Бога любить по-настоящему. Берем эту окружность с поперечником и носимся с ними как обезьяна с книгою, не зная к чему ее приложить. Однако что пользы чело-

веку, если он познает весь мир, а мысли важнейшей о Боге не постигнет?!

ПОСЛУШНИК. Целиком согласен с вами, отче. Взять хотя бы меня; изучивший столько наук, в душе своей чувствую полнейшую пустоту. Но от одного понимания того, что я слышу от вас за один только вечер, мне кажется, что жизненные силы во мне удесятерились! Отчего это, отче?

СТАРЕЦ. Оттого, что люди почли изучение наук ради самой науки и отклонились от первейшего своего предназначения – за наукою Бога видеть и познавать. Позабыли люди, что «мудрость мира сего есть безумие перед Богом!» Но теперь *ты* – не *они*. Теперь ты понимаешь, что, созерцая круг с поперечником внутри, ты созерцаешь самого Бога, в лоне которого находимся мы.

ПОСЛУШНИК. Здорово, отче! Так, стало быть, вы полагаете, что отношение окружности к своему диаметру и породило священные три меры?

СТАРЕЦ. Я полагаю, что аккурат три. Не знаю, сам никогда не измерял, но сдается мне, что могу находиться в полном доверии к законам разума. Да вот и на глаз еще...

ПОСЛУШНИК. Так вот глаз-то вас, отче, как раз и подвел! Я вынужден, наверное, впервые, по-настоящему огорчить вас. О, как бы я хотел, чтобы все было именно так! И все это было бы похоже на правду, если бы...

СТАРЕЦ. Что «если бы»?

ПОСЛУШНИК. Если бы еще в древние времена великий Архимед не произвел такое измерение.

СТАРЕЦ. А что, еще кто-то до меня это сделал?

ПОСЛУШНИК. Это соотношение окружности к диаметру давно известно миру и составляет оно число π . Понимаете, отче, число π ! И величина этого числа равняется **3, 14**.

СТАРЕЦ. Ну вот, что еще за беда! Откуда такая точность? Три с хвостиком... то-то я думаю, что при упоминании этого числа у меня в глазах монастырские мыши вдруг забегали. Маленькие такие, знаешь, с куцым хвостиком, шастают туда-сюда да еще и попискивают препротивнейше: пи-пи, пи-пи...

ПОСЛУШНИК. Но это факт, отче! И сколько бы вы не насмехались, вас это не спасет. С фактами нужно считаться.

СТАРЕЦ. Тоже мне факт! Один мудрый монах говорил мне, что важны не факты, а проникновение в суть фактов.

ПОСЛУШНИК. Однако, как ни проникайся этим фактом, величину числа π не изменишь. Придется вам сдаться, отче.

СТАРЕЦ. Ты лучше скажи мне, юноша: а в самом ли деле ты убежден, что все выглядит именно так и что число π можно в точности измерить?

ПОСЛУШНИК. Я говорю от лица человечества.

СТАРЕЦ. От лица глупости ты говоришь. Что ж они из этого круга веревки, что ли, вили,? А затем прилагали его к тому месту?

ПОСЛУШНИК. Не знаю, какое именно место имеете вы ввиду, отче, но даже всем вашим остроумием делу не поможешь.

СТАРЕЦ. Хорошо. Поговорю с тобой посерьезнее. Доводилось ли тебе, друг мой, наблюдать отражение деревьев в воде?

ПОСЛУШНИК. Если и доводилось, то я не пойму, отче, к чему вы клоните?

СТАРЕЦ. Я клоню это к тому, что лет так пятьдесят тому назад я подолгу простаивал у монастырской реки и до сих пор помню, как поразило меня одно явление. Довольно искривленный тополь отражался в воде прямолинейнестим стволom. Я оглянулся на тополь и увидел всю его кривизну. Всмотрелся в воду – редчайшая прямота. Что бы это могло значить, как ты думаешь?

ПОСЛУШНИК. Трудно сказать... может быть, какие-то процессы отражения... но нашу проблему эту вряд ли хоть как-то развязывает.

СТАРЕЦ. Развязывает, сын мой, еще как развязывает! Я подумал тогда, а способны ли мы вообще отражать тайну Бога такой, какой она находится в первозданной своей чистоте? И решил, что в наших опытах существенно искажается первоначальная истина Божьего бытия, и весь наш мир должен выглядеть достаточно искривленным в этом смысле.

ПОСЛУШНИК. Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что в природе существует как бы некая незначительная кривизна ее? Это вы хотите сказать?

СТАРЕЦ. Именно это я и хочу сказать; только вряд ли существует кривизна природы, скорее, кривизна пространства.

ПОСЛУШНИК. Ну, хорошо, кривизна пространства. Что дает нам эта кривизна?

СТАРЕЦ. Она дает нам то, что совершенных линий в природе вещей не существует. Все линии – кривые. Образцово очерченный круг и столь же образцово измеренный прилежными людьми по его окружности, – всё это лишь плод их практических представлений. Такие данные правдивы, но не истинны. Они могут удовлетворить лишь практическую часть в тайне Бога, но не глубинную в Нем. Стоит лишь прочертить наш круг с учетом кривизны пространства и длина окружности его уменьшится, а вынужденная изогнуться линия поперечника в нем тут же увеличится. Вот и соотнеси теперь эти новые размеры, и ты увидишь, что итог этого даст равное число три. Число π , как ты его называешь, равно чистому числу три, без всяких там хвостиков!

ПОСЛУШНИК. Bravo, отче! Вы, конечно, не сочтите за дерзость, но так можно окончательно скатиться к тому сумасбродству, которое сейчас проповедует какой-то переучившийся господин Лобачевский из Казани. Не так давно стало известным, что, по его утверждению, сумма углов треугольника меньше, оказывается, нежели сто восемьдесят градусов! Он, видите ли, открыл, новую геометрию, где все линии в треугольнике выглядят несколько изогнутыми, а, следовательно, и результат должен быть иной, меньше ожидаемого.

СТАРЕЦ. Этот Лобачевский, надо сказать, большая умница! Нелегко ему, по-видимому, отстаивать свои мысли.

ПОСЛУШНИК. Еще бы! Да и как отстаивать такое!? Ходят слухи, будто он среди бела дня (послушайте, отче!)... среди бела дня по Казани верхом на свинье разъезжает!! Каково, отче?

СТАРЕЦ. Человеческая молва от своего недопонимания может придумать все, что угодно. Я же совершенно убежден, что он прав. Более того, утверждая, что прямые линии искривлены, он скоро придет к тому, что и две равноудаленные прямые непременно в какой-нибудь отдаленной точке обязательно пересекутся.

ПОСЛУШНИК. Боже мой, отче! Именно об этом он и объявил на днях! Помимо того, что вы так изошрены в познании, вы еще и пророк.

СТАРЕЦ. Пророчествую тебе, юноша, что уже люди промеж себя называют этого дивного человека сумасшедшим.

ПОСЛУШНИК. Это действительно так, отче.

СТАРЕЦ. Вот видишь, на глупость человеческую не обязательно быть пророком. Итак, мир наш трехмерен, сын мой. И трехмерен он потому, что отношение Божьей бесконечности к конечности нашего мира дает именно число 3. И измерить это только можно силой разума, учтя в пространстве долю должной кривизны. Разум – наш главный измеритель. Гаси свечу, юноша. На всякий день Бога достаточно Его премудрости.

БЕСЕДА ВТОРАЯ **О ДВИЖЕНИИ ВРЕМЕНИ**

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ **О ПРИРОДЕ МАТЕРИИ**

ПОСЛУШНИК. Знаете, отче, еще один вопрос беспрестанно тревожит меня. Я хочу поговорить с вами о материальности мира.

СТАРЕЦ. О чем ты хочешь поговорить со мной?

ПОСЛУШНИК. О материальности.

СТАРЕЦ. О материальности? В толк себе никак не возьму, что это такое?

ПОСЛУШНИК. Как? Вы ничего не знаете о материальности мира, а с таким искусством толкуете о пространстве и времени!

СТАРЕЦ. Да, я могу о них рассуждать, но о твоей материальности не имею ни малейшего понятия.

ПОСЛУШНИК. Так не хотите ли вы сказать, отче, что материальность вообще не существует, как пришел к этому выводу епископ Беркли?

СТАРЕЦ. Не знаю никакого Беркли, но если бы мне дали в руки эту *материальность*, то я признал бы, что она есть.

ПОСЛУШНИК. Ого! Вы говорите, как некогда дерзко воскликнул Архимед: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир!». Достойно, отче?

СТАРЕЦ. Достойным есть лишь то, что соответствует разуму. Но вернемся к твоему Беркли. Он, что же, не верил в существование мира? В его, так сказать, реальность?

ПОСЛУШНИК. Нет, он верил, но всё это представлял себе несколько иначе.

СТАРЕЦ. Да, представлять себе можно всё, что угодно. Он что не доверял своим чувствам?

ПОСЛУШНИК. Опять не угадали. Именно-то чувствам он и доверял.

СТАРЕЦ. Ты что же запутать меня хочешь? Если он доверял своим чувствам, то обязан был признать реальность существования мира?

ПОСЛУШНИК. А в том то и дело, что он всё воспринятое относил только к своим ощущениям. По его мысли, есть только ощущаемое существо, то есть такое, как мы с вами, которому лишь кажется, что вокруг него существует материальный мир, а на самом деле это только идеи в его голове.

СТАРЕЦ. Мудреная штукавина. Однако вряд ли это и перепроверишь.

ПОСЛУШНИК. Вы знаете, отче, ему ведь тоже несладко приходилось. Глумливые люди предлагали епископу хорошенько своим лбом о крепкий столб постучаться, чтоб он убедился в его материальном существовании.

СТАРЕЦ. Вот оно даже до чего доходило! Но ведь и это делу не поможет. Идея столба воспринимается в должных ощущениях так, что нет никакой возможности установить: действительно ли это материальный предмет, находящийся вне нашего сознания, или это только особая идея, которая также находится внутри того же сознания. И в том, и в другом случае реальность одна.

ПОСЛУШНИК. Умеете же вы, отче, объяснить суть. Я сколько лет знал об этом, но осознать никак не мог. Выходит, что в любом случае мы имеем дело только со своими ощущениями. Что ими дается для нас, то мы и воспринимаем. Удивительно, отче! И значит, материальности нет никакой!

СТАРЕЦ. А где же ей взяться? Всё, что мы ни ощущаем, есть лишь плодом наших ощущений. Если даже допустить, что нечто находится вне нас, то, как мы установим, в каком оно именно виде состоит, если напрямую оно в нас не входит, а

только через те ощущения, которые подают нам нечто совершенно свое.

ПОСЛУШНИК. Это верно, отче. Однако возникает тут у меня очень важный вопрос.

СТАРЕЦ. Какой, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Как же так получилось, что одно мы ощущаем так, а другое эдак? И будто мы все сговорились реагировать на разное почти одинаково?

СТАРЕЦ. Это потому, сын мой, что Дух, живущий в нас, так подает для всех свои ощущения.

ПОСЛУШНИК. То есть, вы хотите сказать, отче, что все мы потому воспринимаем мир примерно одинаково, что у всех у нас выработался определенный общий опыт восприятия?

СТАРЕЦ. Совсем нет, сын мой. То, что мы ощущаем, подается Духом из себя. А так как он есть Единым, то свойства чувств наших по отношению к воспринятому у всех людей являются примерно одинаковыми.

ПОСЛУШНИК. А мне кажется, что всё, что мы воспринимаем, есть лишь привычка так воспринимать, которая переходит из опыта в опыт.

СТАРЕЦ. Великолепно, сын мой! Но так можно прийти и к тому выводу, что нас не само ощущения огня жжет, а всё это лишь как-то установилось издавна?

ПОСЛУШНИК. Именно так, отче! Огонь жжет только потому, что нас сжигает сам страх от привычки так его воспринимать.

СТАРЕЦ. Только ли страх? А младенец? Он-то ничего не знает об огне; у него-то еще нет никакого подобного опыта!

ПОСЛУШНИК. Это у младенца-то нет опыта?! А разве он возник первым человеком на земле, и у него не было родителей?

СТАРЕЦ. То есть ты хочешь сказать, что опыт ощущения передается именно внутриутробно?

ПОСЛУШНИК. Я хочу сказать, что всё, что мы воспринимаем, не есть на самом деле таким, каким оно есть, и мы ощущаем исключительно то, что установилось каким-то образом в ощущениях наших предков по отношению к тем или иным предметам или явлениям.

СТАРЕЦ. Выходит, что мир стал именно таким, каким он есть, только благодаря тому, что у далеких предков наших

установилось по отношению к миру некое свое особенное восприятие?! Язык, так сказать, условных ощущаемостей?

ПОСЛУШНИК. Не стану отрицать.

СТАРЕЦ. Огонь их, стало быть, не жег и водой они, следовательно, не замачивались? По странной какой-то случайности, значит, образовался весь наш мир, или то, что мы называем нашим миром. Потрясающе, сын мой! Все мы, оказывается, живем, оставаясь в плену ощущений наших предков? Так здесь же вера, милый мой! понимаешь, вера! Я могу и по воде пойти как Христос, только бы выбить из своей головы, что вода проваливается!

ПОСЛУШНИК. Что-то вы не на шутку разошлись, отче! Однако я согласен с вами, что верой можно и горы сдвинуть. А если гора – это только наследственное восприятие наших предков, то тут и не с чем нам справляться. Просто малoverы мы в душе, отче, малoverы!

СТАРЕЦ. Ох, малoverы! Я, кстати, встречал в своей жизни людей, которые преспокойно себе по раскаленным углям ходили.

ПОСЛУШНИК. Неужто? Переменили, стало быть, свое отношение к огню?

СТАРЕЦ. Переменить-то, друг мой, переменили, да вот...

ПОСЛУШНИК. ... дорогой учитель, я хочу вас спросить, а не искушались ли и вы в своей жизни сделать нечто подобное?

СТАРЕЦ. Бог миловал, сын мой. Подумай только, что стало бы на земле, если бы каждый из нас стал ощущения свои переменять? Нам ощущения даны как та подпора, что должна привести нас к главному...

ПОСЛУШНИК. ...«восприятие чувственного дает просиять нечувственному»...

СТАРЕЦ. Что ты там лепечешь?

ПОСЛУШНИК. Да так вспомнил одну мысль одного новейшего философа. Продолжайте, отче, я вас слушаю.

СТАРЕЦ. Так вот я и говорю...не станем же мы всю жизнь возиться только с одними ощущениями. Да и к тому же есть у меня давно на этот счет другая мысль, которую я тебе никак втолковать не успеваю...

ПОСЛУШНИК. Какая такая другая, отче?

СТАРЕЦ. Все больше с возрастом убеждаюсь я в том, сын мой, что это не мы ощущаем, и что все ощущаемое есть именно таким, каким оно есть: прочным и неизменным. Дух Божий Сам Себе эти ощущения подает и Сам же их в таком же виде воспринимает.

ПОСЛУШНИК. Послушайте, отче, так, значит, Дух все-таки материален?

СТАРЕЦ. Ересь в твоей голове сидит непробиваемо материальная! Идеальный Дух из Себя же подает столь же идеальные ощущения и таким же образом их воспринимает. Людьми они понимаются как материальные. Но каждый из людей материю воспринимает как Дух, данный в ощущениях. Понимаешь ли ты? Ведь сам высший Дух, данный себе в ощущениях, и есть материей.

ПОСЛУШНИК. Складно вы говорите, отче... аж дух захватывает!

СТАРЕЦ. Так сказано ведь: Дух от Духа слышит.

ПОСЛУШНИК. Так что же этих Духа два?

СТАРЕЦ. Сказано еще: «И слышать будете и не услышите!»! Так ты чего доброго и три Духа насчитать сможешь. Хотя в вопросе Троицы есть такой соблазн. Но я говорю о том едином Духе, который воспринимать Себя может двояко, ибо, воспринимаясь в ощущениях, есть материей, а воспринимаясь в мысли, есть собственно Духом.

ПОСЛУШНИК. Мудрено, отче, но дух по-прежнему не отпускает.

СТАРЕЦ. И на это также сказано, сын мой: «Ибо слово Мое не вмещается в вас».

ПОСЛУШНИК. Я понял, отче, что Дух Божий воспринимает Сам Себя по верным Себе ощущениям. Но так как Он пребывает в каждом из нас и в разной степени и мере, то ощущения эти могут несколько отличаться между собой, но в главном все же они составляют единую природу.

СТАРЕЦ. Хороший ты ученик, сын мой! Такая же картина выглядит у нас и в случае восприятия мира мыслью.

ПОСЛУШНИК. То есть вы хотите сказать, что в том человеке, в котором скопилось наибольшее количество разумного Духа, и находится верная мысль о мире.

СТАРЕЦ. Именно это я и хотел сказать, сын мой. Но обо всем мире мы сейчас не станем говорить, а вот о существовании материи не мешало бы сейчас сказать парочку слов.

ПОСЛУШНИК. Отче! так неужели вы сейчас сможете сказать, чем же на самом деле является для мысли та даваемая Духом осязаемость, которую люди называют материальностью?!

СТАРЕЦ. Да, сын мой могу и давно могу, только до сих пор сказать было некому. Весь наш мир, юноша, как эта общая бесконечная материя, умещается, оказывается, всего в одну и очень емкую формулу мысли.

ПОСЛУШНИК. В какую же, отче?

СТАРЕЦ. В ту, что мы с тобой совсем недавно вывели.

ПОСЛУШНИК. Вы имеете ввиду окружность в ее отношении к диаметру?

СТАРЕЦ. Я имею ввиду существо материи или, по-другому сказать, формулу мира, которая постигается мыслью.

ПОСЛУШНИК. Так, значит, мир, взятый по мысли как существо материи, имеет свою формулу и это можно назвать формулой мира?!

СТАРЕЦ. Разумеется, что так, сын мой.

ПОСЛУШНИК. Так откройте же мне эту формулу, отче!

СТАРЕЦ. Зачем тебе открывать то, что ты давно уже знаешь?

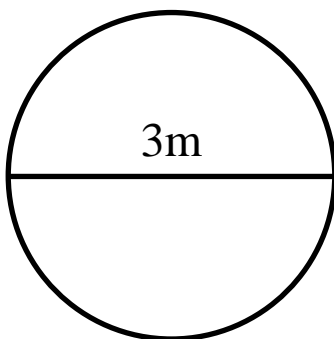
ПОСЛУШНИК. Ну, тогда намекните хоть в двух словах, умоляю!

СТАРЕЦ. Хорошо, слушай: три меры мира, умноженные на скорость света.

ПОСЛУШНИК. То есть трехмерность пространства-материи... ах, я баранья вырезка! Ведь я должен был сам догадаться! Можно я возьму огарок свечи и всё это изобразю на рисунке. Вначале начертим окружность... затем диаметр... окружность обозначаем буквой c (скорость света); над диаметром ставим $3m$ (трехмерность нашего так называемого материального мира). Теперь запишем – страшно подумать! – измеренную площадь целой бесконечности, или формулы мира, как вы изволили сказать. Она равна площади: $3m \times c!$

СТАРЕЦ. Дай-ка взглянуть мне, старцу, на твои начертания. Что-то уж больно долго ты складно говоришь.

ПОСЛУШНИК. Готово, отче. Вот она полнота Все-
вышнего! Посмотрите на мой рисунок. Вот он:

СТАРЕЦ. То, что ты начертил, мой милый друг, я от-
крыл в своем уме десяток лет тому назад.

ПОСЛУШНИК. Но вы где-то записали это? Засвиде-
тельствовали?

СТАРЕЦ. Всё, что я имею, я держу только в своем уме.
«Вложу законы Мои в умы их», – говорит Господь.

ПОСЛУШНИК. Поразительно, отче! Как, открыв такое,
вы могли хранить столь длительное молчание? Ведь это же уму
непостижимо!

СТАРЕЦ. Твоему уму, действительно, мало что пости-
жимо. Но я думал, ты удивишься совсем иному. Я думал, ты
удивишься, как я мог прийти к такому, не выходя из кельи.

ПОСЛУШНИК. И это также впечатляет. Хотя как ни
выходи и не ищи – «царство Божие внутри нас».

СТАРЕЦ. Внутри наших мыслей и чувств, сын мой.

ПОСЛУШНИК. Один только вопрос, отче: как мы мо-
жем назвать это наше открытие, кроме как формула мира? Что-
то уж больно броско звучит.

СТАРЕЦ. Формула мира она и есть формула мира, до-
рогой мой.

ПОСЛУШНИК. Однако, отче, что-то она мне очень по-
хожа на понятие материи.

СТАРЕЦ. Ты погляди на него! До сих пор о материи ты
не имел ни малейшего понятия, а теперь подавай тебе уже некое
целое понятие материи! Чудно устроен человек. Но будь по-
твоему. Может, оно по вашим всяким наукам звучать будет по-

точнее. К тому же это будет говорить о том, что мы постигли истинное существо материи, что далось нам не по какому-то ощущению, а по мысли, и мы получили об этом подлинное понятие.

ПОСЛУШНИК. Тогда из этого следует, отче, что какое бы тело мира мы не взяли, оно будет представлять из себя понятие материи, или, попросту говоря, нашу формулу мира.

СТАРЕЦ. Я чувствую себя польщенным твоей сообразительностью. Конечно же, так, сын мой.

ПОСЛУШНИК. Будь-то эта пылинка на книге или вся Вселенная?!

СТАРЕЦ. Для мысли их материя не обладает никаким различием.

ПОСЛУШНИК. А как же размер, вес, отче?

СТАРЕЦ. Еще раз говорю тебе, сын мой: материя не имеет ни размера, ни веса. Об этом мы с тобой еще успеем подробней поговорить. А пока хорошенько запомни: единственное лицо материи – это ее формула. Всё остальное – плод наших различных ощущений.

ПОСЛУШНИК. Вот открытие так открытие! **Зм х с** – единственная реальность вещей! Душа, так сказать, и основание мира!

СТАРЕЦ. Что ж с такой праведной мыслью о материи и отойдем ко сну. Есть время разбрасывать камни, сын мой, и есть время их собирать.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ **О СУЩЕСТВЕ ДВИЖЕНИЯ**

ПОСЛУШНИК. Отче! Мне не дает покоя одна мысль: как же это мир наш смог вместить в себя целую бесконечность? Мыслимо ли такое?!

СТАРЕЦ. Вполне мыслимо, сын мой; а как же сам Христос вместил в Себя всю полноту Божью?

ПОСЛУШНИК. Так это Христос, отче; а то мир!

СТАРЕЦ. Друг мой, не нужно уж так уничижительно думать о мире. Ведь дело не в размерах, а в сути.

ПОСЛУШНИК. Значит, вся полнота Божья обитает в нашем мире? И эта полнота в формуле мира?

СТАРЕЦ. Но это еще не вся полнота, сын мой. Истинная полнота мира – в движении.

ПОСЛУШНИК. А, знаете, отче, был такой древнегреческий философ Зенон; так он доказывал, что движения вообще не существует.

СТАРЕЦ. Мудрая мысль, сын мой. Только она несколько преувеличена.

ПОСЛУШНИК. Как это так? Вас послушать, так и материальности нет, и движения нет. Где мы, собственно говоря, находимся?

СТАРЕЦ. Я хочу вернуться к Зенону. Знаешь, что он хотел сказать, отрицая движение? Он хотел сказать, что истинное движение само по себе очень трудно увидеть.

ПОСЛУШНИК. Но как же трудно, если мы видим его каждый день?

СТАРЕЦ. А каждый день ты видишь материю?

ПОСЛУШНИК. Каждый день я воспринимаю те ощущения, что даются мне от Духа, которые мы по привычке принимаем за материальность.

СТАРЕЦ. Вот видишь, «только принимаем за материальность», а не воспринимаем ее за Дух, данный нам в ощущении. А ведь Дух, данный нам в ощущении, трудно заприметить сразу за Дух. Не так ли, друг мой? Ровно также всё выглядит и в случае с движением. Мы видим движущуюся вещь, но это только ощущения этого явления. Увидеть же движение самой мыслью – это, скажу я тебе, совершенно другое дело!

ПОСЛУШНИК. Что же для этого нужно, отче?

СТАРЕЦ. Для этого нужно одно: хорошенько научиться мыслить.

ПОСЛУШНИК. Мыслить, отче? Опять мыслить и ни капельки не представлять?

СТАРЕЦ. Да, друг мой, тебе придется в очередной раз несколько поднатужиться. Скажи мне: мыслил ли ты когда-нибудь движение?

ПОСЛУШНИК. Я нахожусь в большом затруднении, отче. Если бы я мог хоть чуточку представить себе о чем у нас должна пойти речь, то я уж, поверьте мне, не пожалел бы своей мысли!

СТАРЕЦ. Запомни, мой друг: человек щедр только на свою глупость. Давай лучше помыслим фигуру движения.

ПОСЛУШНИК. Помыслим ее как круг, с размещенным внутри него диаметром; так, отче?

СТАРЕЦ. О нем мы еще успеем поговорить. Скажи лучше, как ты думаешь: при каких таких условиях движение соизволило бы показать нам свое личико?

ПОСЛУШНИК. *Личико*, отче? Вы сказали «личико»? Как-то странно от вас такое слышать.

СТАРЕЦ. Я выразился ровно так, как того потребовала мера моей углубленности в этот дьявольски ускользящий от меня предмет. О, если бы ты только знал, какая порой глубина открывается очам моим!

ПОСЛУШНИК. Так она вам открывается, отче? Вашим умом движет нечто?

СТАРЕЦ. Мой ум тогда как бы озаряется нездешним светом, и я начинаю видеть то, к чему бы никогда не смог прийти своим умом.

ПОСЛУШНИК. Так, значит, у вас два ума, отче?

СТАРЕЦ. У нас у всех два ума, сын мой: один – человеческий, а другой Божий. Но последний не у всех открывается. Когда он открывается, то благодать Божья вступает тогда в человека.

ПОСЛУШНИК. Но разве благодать Божья – это то, чем осеняется наше мышление?

СТАРЕЦ. Не только мышление, сын мой. Благодать проявляется в различных сферах: и в вере, и в ощущениях, ибо «Дух веет, где хочет»; но наивысшей можно считать ту благодать, что веет в разуме. Но довольно об этом. Ты намеренно, видно, решил увильнуть от моего вопроса?

ПОСЛУШНИК. Признаюсь, отче, хотел увильнуть. Понимаете, мне очень трудно всё это сразу сообразить. У меня ведь просто ум за разум заходит! Всё же выглядит далеко не так, как я себе представлял.

СТАРЕЦ. Наше представление, действительно, не лучший подсказчик в делах мысли, это верно. И я в который раз пойду тебе навстречу. Ответь мне: наблюдал ли ты когда-нибудь падение яблока?

ПОСЛУШНИК. Адамова яблока, отче? Неплохая ли это примета?

СТАРЕЦ. Для таких, как ты, суемудров, есть приметы всегда и во всем. Но ты не пытайся снова увильнуть. У тебя ничего не получится. Отвечай мне: наблюдал ты или не наблюдал?

ПОСЛУШНИК. Ну, видел я несколько раз как яблоко падает, но чтобы придавать этому большое значение?! О чем вы это, отче?

СТАРЕЦ. Вот видишь, а значение здесь имеется огромное! Мы вообще не умеем наблюдать суть значений.

ПОСЛУШНИК. Но с каким же значением можно пре-проводить падение яблока? Чтоб посмотреть только, как оно брякнется оземь?

СТАРЕЦ. Тень обмана действительно поглотила людей. Пойми, любезный мой! Когда падает яблоко или другой какой-нибудь предмет, то мы видим только внешность всего этого, его, так сказать, тень, отброшенную от действительно того, что на самом деле падает. Сам *свет* нам не виден. Не виден он до тех пор, пока не узрим мы его нашим мысленным оком.

ПОСЛУШНИК. Сложно понять вас, отче. Видимо, этому яблоку хорошенько нужно будет свалиться мне на голову, чтобы я понял хоть что-нибудь.

СТАРЕЦ. Не обязательно, сын мой. К тому же и сила удара может прийтись вовсе не по твоей голове. Не всякая голова сможет выдержать такое наставление Божье! Вдумайся лучше в то, что я тебе сейчас скажу. Когда яблоко падает, то тайна самого движения для мысли являет собой далеко не то, что воспринимаем мы в этот момент по ощущению. Вдумался?

ПОСЛУШНИК. Как это, отче?! Значит, падает нечто само по себе, а само яблоко как таковое не падает?

СТАРЕЦ. По существу мысли всё выглядит именно так. Видим-то мы яблоко, но во время падения оно как бы перестает им быть. Нас же интересует не его съедобный вид, а то движение, которое становится на мгновение непостижимой его душой. Тайна движения тогда словно вся начинает светиться изнутри этого явления, понимаешь ли ты?!

ПОСЛУШНИК. Так, стало быть, всё же способны видеть мы это движение в нем!

СТАРЕЦ. Само существо движения не видится так просто никому. Это, как у Иоанна сказано, помнишь: «Бога не видел никто никогда». То есть не видел и не увидит внешним своим зрением. Его можно усмотреть только духовными очами.

ПОСЛУШНИК. Но где же их взять, отче? У меня только одна пара глаз!

СТАРЕЦ. Это можно увидеть с помощью размышлений, сын мой. Вспомни теперь Зенона, так, кажется, ты его называл, который утверждал, что стрела, пущенная из лука, на самом деле не летит. Он хотел попросту найти для этого действия основание мысли. И я не знаю, что он там приводил в свое доказательство, но он умел хорошенько зреть в корень.

ПОСЛУШНИК. Никогда не думал, отче, что доля даст мне встретиться с ожившей тенью Зенона!

СТАРЕЦ. Ну, поостри, поостри, сын мой. Ты же знаешь, что делу это не поможет. А дело тут такое, что в падении яблока мы впервые начинаем наблюдать движение, открытое для мысли...

ПОСЛУШНИК. Вы так говорите об этом, отче, как будто в этом движении для мысли должно произойти чуть ли не само явление Святого Духа!

СТАРЕЦ. Богохульствуешь ты, сын мой! Хотя, по правде сказать, есть в этом явлении какое-то сходство. Разве созерцание одного из законов Бога очами разума не есть ли то же самое, что и созерцание некой живой части из Него самого?

ПОСЛУШНИК. Прекрасно, отче! Так, значит, когда любое тело падает, то мы имеем всякий раз дело с невидимой сутью движения?

СТАРЕЦ. Именно так, сын мой. Душа явления невидимым образом находится в видимой оболочке и действует там исподволь. И мы при должном обострении ума всегда способны видеть это чудо! Ибо невидимое Бога, как мудро сказано в Писании, чрез рассматривание творений Его, становится видимым... видимым умом... как на ладони.

ПОСЛУШНИК. Как же и мне научиться видеть такое явление, отче? Я весь так и напрягся умом.

СТАРЕЦ. Напрягись, напрягись, сын мой. Я напрягался по этому поводу с десятков лет.

ПОСЛУШНИК. С десятков лет?! Как же вы говорили, что озаряетесь в одно мгновение?

СТАРЕЦ. Озаряюсь-то я в одно мгновение, а до этого мыслю несколько лет кряду. Ленивую голову, сын мой, Господь озарять не станет.

ПОСЛУШНИК. Так откройте же мне это движение для мысли, отче!

СТАРЕЦ. Вот опять ты говоришь о том, что по сути своей давно знаешь. Все мы, сын мой, внутри себя давно это знаем. Никак только вспомнить этого не можем. Признайся мне: разве позабыл ты нашу формулу мира или, попросту говоря, фигуру круга? Каковы главные составляющие этого круга?

ПОСЛУШНИК. Главные составляющие такого круга – это трехмерность пространства и одномерность времени, что обозначилась у нас скоростью света.

СТАРЕЦ. Память у тебя крепкая, сын мой. Так вот теперь хорошенько подумай, а что происходит со всем этим, когда тело начинает падать?

ПОСЛУШНИК. Я думаю, что что-то начинает происходить именно с пространством и временем.

СТАРЕЦ. Верно, сын мой. Ведь только они тут главные герои. Что же между ними может произойти?

ПОСЛУШНИК. Я опять думаю, отче, что между ними должно завязаться точно некое соревнование! Мне почему-то кажется, что они начинают друг перед другом словно бежать наперегонки... правильно я думаю, отче?

СТАРЕЦ. Я долго обдумывал это положение и пришел к выводу, что время и пространство приходят тут к должному какому-то соотношению... но вот какому?..

ПОСЛУШНИК. Погодите, отче! Я, кажется, что-то начинаю припоминать. Сейчас... сейчас... Ага, вспомнил: «Пройденные пространства соотносятся между собою как квадраты протекших времен»!

СТАРЕЦ. Что это еще за казуистика такая?!

ПОСЛУШНИК. Какая же это казуистика, отче? Это Отченаш науки падения.

СТАРЕЦ. Упаси нас Боже от таких Отченашей! Что же он означает?

ПОСЛУШНИК. Я в точности не помню, отче... заучил как молитву. Постараюсь сейчас напрячь свои последние мозги... Квадрат... квадрат... Стоп! Кажется, вспомнил! Да, точно, вспомнил! Время и пространство в процессе падения относятся друг к другу как корень к квадрату.

СТАРЕЦ. Какой корень? Какой квадрат? О чем ты, сын мой?

ПОСЛУШНИК. В падении, отче, корень времени, оказывается, равняется квадрату пространства! Уф, теперь, кажется, всё.

СТАРЕЦ. Но скажи мне, сын мой: что значит этот твой непонятный квадрат?

ПОСЛУШНИК. Квадрат... ну, как вам объяснить, отче? Это просто число, умноженное на себя. Например: два, умноженное на два, или три, умноженное на три. Есть еще куб – дважды умноженное на себя число.

СТАРЕЦ. Ага... вот вы какие чудеса понапридумывали. Меня в церковно-приходской школе таким премудростям не обучали. Но ты еще, сын мой, о каком-то корне упомянул. Что это еще за невидаль такая?

ПОСЛУШНИК. Да это проще пареной репы, отче. Корень – это значение в математике, противоположное квадрату. Вот и всё.

СТАРЕЦ. Ах, вот оно как! Ты даже не представляешь себе, сын мой, какие ты во мне этими значениями былые догадки возродил!

ПОСЛУШНИК. Какие же, отче?

СТАРЕЦ. Имел я однажды тайну *виденья* на этот счет. И коснулась меня эта тайна как «дух хлада тонка».

ПОСЛУШНИК. Как «дух хлада тонка», отче?! Точно как в Библии? И что же это была за тайна?

СТАРЕЦ. Видишь ли, сын мой, тогда я очень много размышлял об одном поразившем меня факте.

ПОСЛУШНИК. Вы испытываете мое терпение, отче! О каком таком факте идет речь?

СТАРЕЦ. Я бросал тогда подолгу небольшие камешки в монастырскую реку и думал: если эти камешки не падают, то что же тогда падает?

ПОСЛУШНИК. Ну, вот так вы всегда – разбередите душу какой-нибудь тайной, а затем привалите сверху самой обыкновенной историей.

СТАРЕЦ. Погоди, не горячись, сын мой. В самом-то обыкновенном всегда очень глубокая тайна прячется.

ПОСЛУШНИК. Не понимаю я: что может быть интересного в падающем камне, если к тому же, как вы утверждаете, сам по себе камень не падает?

СТАРЕЦ. Для мысли не он падает, это так. Для мысли падает что-то неуловимо скрытое. И посмотрел я в тот миг на круги на воде. Круги-то на воде расходятся!

ПОСЛУШНИК. И то верно. Сам-то камень не всегда кругленький, небось! А круги-то от него кругленькие идут...

СТАРЕЦ. Заладил тоже: кругленький, не кругленький! Дело тут совсем в другом. Это натолкнуло меня на мысль, что в простой монастырской реке, как в зеркале, душа самого вселенского падения отразилась. Понимаешь, ты?!

ПОСЛУШНИК. Вот вы куда поворотили! Что же это за круги? Ах, да, отче! Вы имеете ввиду, что на самом деле падает не камень или яблоко, а наш именитый круг... формула мира, так сказать, или понятие материи! Вот оно что... Но почему тогда много кругов, отче?

СТАРЕЦ. Так вот и подумал я тогда: а не является ли любое движение в виде падения тела простым увеличением роста в нем таких кругов?

ПОСЛУШНИК. Но может ли, отче, бесконечность круга стать больше самой себя?

СТАРЕЦ. Тут дело опять-таки, сын мой, не в размерах, а в самой сути. Рост количества движения должен наблюдаться, так как ты сам знаешь, что любое тело, падая, всякий раз ускоряется.

ПОСЛУШНИК. Еще как, отче, знаю! Я раньше, бывало, частенько у девушек под окнами проходил...

СТАРЕЦ. Да погоди ты со своими окнами!... Я хочу до тебя очень важную мысль донести. Понимаешь, сын мой, душа падения давно напоминает мне тот покольцевой рост движения, которое всё больше и больше увеличивается!

ПОСЛУШНИК. «Покольцевой», отче! «Покольцевой рост движения». Это вы хорошо сказали. Я сразу же представил себе целую пирамиду из колец, которая упала в воду, и водой этой отразилась.

СТАРЕЦ. Да, не водой, сын мой. Вода только навела меня на мысль о таком движении. Отразилось это всё в уме моем.

ПОСЛУШНИК. Увидели вы, стало быть, картину падения умом!

СТАРЕЦ. Умом-то я увидел, но страстно хотелось эту прекрасную тайну Бога еще и во плоти узреть. Узреть, так ска-

зять, подноготную движения, облаченную в плоть... понимаешь ли ты?

ПОСЛУШНИК. Понимаю, отче. Это все равно, что Бога Отца во Христе узреть!

СТАРЕЦ. Точно уразумел ты! И тут воображению моему предстал ствол срезанного дерева. Я даже от изумления отшатнулся в сторону. Примечал ли ты на нем целый рисунок колец?

ПОСЛУШНИК. Не только примечал, но и знаю, что по ним можно установить возраст дерева. Но неужели вы связываете... а, впрочем, это весьма увлекательно.

СТАРЕЦ. Еще бы! Ты только подумай: видимым образом движение материи происходит в явлении дерева. И потому оно не мертвое что-то, а живое. Живое начинается с движения материи!

ПОСЛУШНИК. Великолепно, отче! От себя только добавлю, что не только дерево, но и всё царство растений потому ведет себя как живое, что в нем проявилось движение материи.

СТАРЕЦ. Постой, постой, сын мой... что-то ты уж больно разошелся. Где ты видел в простой травинке указанные кольца?

ПОСЛУШНИК. В травинке или в цветах таких колец действительно не найти, но, просто, в дереве это невидимое движение лучше выразилось, отчетливее что ли.

СТАРЕЦ. Доходчиво объясняешь, сын мой. Может быть, и в самом деле всё выглядит именно так. Звучит убедительно. Однако я хочу вернуться к дереву. Дерево есть для меня образцом движения материи, явленное во плоти, то есть такое таинство мысли, которое открылось в ощущаемом равным себе по своей сути. И, знаешь, сын мой, когда ты сказал мне о корне и кроне...

ПОСЛУШНИК. О кроне, отче? Вы что-то перепутали. Я говорил только о корне пространства и квадрате времени.

СТАРЕЦ. Но неужели даже по всему звучанию этих слов ты не слышишь их священной близости?! Вслушайся только: корень и крона... корень и крона... Они ведь связаны между собой точно также как пространство и время!

ПОСЛУШНИК. Но это лишь простая игра слов, отче, и больше ничего. Случайное совпадение.

СТАРЕЦ. «Случайное совпадение»?!? Много ты понимаешь в случайных совпадениях! Случайных совпадений, если ты хочешь знать, у Бога вообще не бывает. Случайными, например, могут казаться по отношению друг к другу ветки на дереве, но все они закономерно вырастают из одного корня, так и все дела людские, какими бы они случайными не выглядели, однако все они порождены единым Промыслом Божиим. Подай-ка мне лучше водицы. Умаешься тут с тобой. Ох, и хороша же водица монастырская! Так вот, наостри теперь уши, как только сумеешь. Я что-то хочу сказать тебе очень тихо. Великую истину, сын мой, говорят тайным шепотом.

ПОСЛУШНИК. Слушаю вас, отче, в оба своих уха.

СТАРЕЦ. Ну, так слушай же. Если дерево – это живое воплощение движущейся материи, то у этого явления что с необходимостью должно быть?

ПОСЛУШНИК. Плохо слышу вас, отче. Говорите громче.

СТАРЕЦ. Истину, мой друг, настоящий мудрец слышит и в безмолвии. А ты, я вижу, глух окончательно на оба уха. Я говорю о том, что если дерево есть образом движения материи, то не могли же куда-то пропасть явления пространства и времени?

ПОСЛУШНИК. Не могли, отче. Но пропали же!

СТАРЕЦ. Скорее пропадет крестная сила наша, чем пространство и время у дерева как его корень и крона!

ПОСЛУШНИК. Послушайте, отче! Если я еще из уважения к вам могу признать корень пространства за корень дерева, то уж в случае с кроной... вы меня извините... я никак не могу согласиться.

СТАРЕЦ. Не согласиться с кроной?! Ты что, сын мой! Да ведь в этом-то и вся сила доказательства!

ПОСЛУШНИК. Какая же, отче?

СТАРЕЦ. А та, что еще по остаткам знания моего греческого языка, откуда и пошла вся ваша хваленая наука, я с уверенностью могу сказать, что слово «крона» произошло от греческого слова «кронос», то есть «хронос», что означает время!!

ПОСЛУШНИК. Постойте, постойте, отче! Мне, кажется, я тоже припомнил одну строчку одного загадочного поэта. В ней говорится: "О высокое дерево в ухе!" ...

СТАРЕЦ. "*Дерево в ухе*"?! Ты ничего не путаешь, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Нет, нет! Это я с точностью до буквы привел. Я тогда еще изумился такому повороту мысли. А сейчас, отче, благодаря вам, начинают что-то понимать.

СТАРЕЦ. Но что ж тут понимать, сын мой? Клянусь тебе, что ни о каком "*дереве в ухе*" я никогда ничего не слышал. Вот, допустим, о бревне в глазе, так об этом я точно знаю из Библии.

ПОСЛУШНИК. Дорогой мой отче! да поймите же вы, что об ухе здесь говорится как о слухе; а слух как орган восприятия способен быть местилищем сущностей. А эти сущности, что есть свойствами движущейся материи, он слышит не иначе как внутренним проращением дерева! Отчего и говорится, что сущность материи пребывает "*деревом в ухе*"... то есть ростом количества движения... Это же потрясающе, отче!

СТАРЕЦ. Я же поражаюсь другому: до чего же догадливы эти поэты! Только вот изъясняются они как то не очень понятно.

ПОСЛУШНИК. Как никак, отче, а связь между словами «крона» и «кронос» стали для меня теперь еще убедительнее. Более того, эта связь может на многое указать. Выходит, что дерево за каждый свой корень углубления в землю, то есть пространства, значительно возрастает угоном *квадрата* своего ствола в поднебесье кроны, то есть времени! Сума сойти! Значит, то, что так невидимо таится в падении камня, яблока или другого какого предмета, наглядно открывает себя в росте дерева! Для мысли, оказывается, падение чего-либо и рост дерева составляет одну и ту же сущность, один и тот же принцип, различие которого только в том, что он из тайного лона становится видимым.

СТАРЕЦ. Всё, мой милый друг, рано или поздно из тайного явным становится. Разве ты никогда не слышал ту мысль, что глубина явлений всегда *происходит из породившей их тайны*?

ПОСЛУШНИК. Воистину так, отче. Я даже не подберу слов, чтобы выразить вам свое восхищение. Одно скажу: отныне я навеки ваш ученик.

СТАРЕЦ. Господь один навеки, сын мой. Ложимся спать.

БЕСЕДА ПЯТАЯ О СВОЙСТВЕ ПАДЕНИЯ

ПОСЛУШНИК. Признаюсь вам, отче: всю ночь я представлял себе, как материя движется. Она двигалась кольцеобразно и была похожа на страшную и опасную змею. Какое захватывающее зрелище это было, доложу я вам!

СТАРЕЦ. Наконец-то ты дал полную волю своему представлению. И то, что под видом материи ты увидел змею, много поучительного. Змея – символ мудрости. Важно только куда она тебя укусит...

ПОСЛУШНИК. Вы хотите сказать, отче, что ее жало явно не поразило мою голову?

СТАРЕЦ. «Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятю»...

ПОСЛУШНИК. О чем это вы, отче?

СТАРЕЦ. Об одном сложном способе познания. О нем говорится в Библии. Читал ли ты когда-нибудь в Книге Бытия главу 3 стих 15? Там сказано, что загадка Божьего бытия будет поражать наше сознание, а мы, как ни будем старательны, начнем ухватываться этим сознанием за одну лишь заднюю часть этой тайны, то есть «пяту», а проще говоря, внешность, сиречь представление.

ПОСЛУШНИК. Так что же, и представление образа дерева, которое назвали вы наглядным выражением образа движущейся материи, также следует считать лишь «пятой», то есть превратным порождением нашего представления?

СТАРЕЦ. Нет, сын мой, не совсем так. Дерево в своем движении действительно отражает основу этой тайны. И представление такого рода в целом нас не обманывает. Но ведь это надо было еще понять! На самом дереве не написано, что оно есть законным выражением движения материи. Все самые умные открытия ваших ученых не начертаны же на небесах!

ПОСЛУШНИК. Представляю себе законы Архимеда, изображенные на звездном небе! Что бы это была тогда за жизнь! Можно было бы и в школе не учиться. Каждый день на небе – новая страница знаний.

СТАРЕЦ. Вот ты всё мечтаешь, а понял ли ты то, что истинное ощущение дается по верно воспринятой мысли?

ПОСЛУШНИК. Понял, отче, но суетное сознание наше питает нас такими представлениями, что ни одной разумной мысли за этим не угнаться.

СТАРЕЦ. Всё это дьяволом у нас называется, потому что он только то и делает, что пытается сбить нас с Господней мысли. Вот сейчас нам и дерево подсунул...

ПОСЛУШНИК. То есть как это, отче? Что-то я вас не пойму. То дерево у вас Господень разум выражало, то теперь оно в личину лукавого облеклось...

СТАРЕЦ. Вот видишь, как легко угодить в его сети. А ведь его сети повсюду расставлены. Некоторые даже утверждают, что они находятся и в Библии. Сколько умных голов берут там из нее мудрые изречения и во что их потом превращают? Вот и в нашем случае. Стоило мне сказать о том, что рост дерева есть воплощенным законом движения материи, как ты сразу отнес это и к самой сути закона. Ну, не уловился ли ты на эту сеть дьявольскую?

ПОСЛУШНИК. Уловился, отче, ой, как уловился! Ощущать что-то в образе по верной мысли и иметь ту же мысль в ее чистом виде, – это далеко не одно и то же. Каковой же по восприятию самой мысли выглядит картина закона движения материи? Не терпится узнать, отче!

СТАРЕЦ. Вот так всегда, сын мой: всем не терпится только узнать, но никто не спешит поразмыслить. Мы говорили с тобой о существовании материи, которую ты назвал целым понятием, и знаем формулу его как формулу мира, а ты говоришь «не терпится узнать»! Бог с тобой, сын мой. Что же за это время произошло? Только лишь то, что эта формула, это понятие стало двигаться?

ПОСЛУШНИК. Простите меня, отче. Во всей этой погоней за представлением я попросту потерял голову. Действительно, мы же имеем формулу выражения $3m \times c$ как истинное восприятие материи по самой мысли. И теперь это выражение падает...

СТАРЕЦ. Наконец-то ты стал мыслить, сын мой. Именно так. Любое падающее тело падает только как $3m \times c$.

ПОСЛУШНИК. Чудеса да и только. $3m \times c$ и всё?

СТАРЕЦ. И всё. Нечего здесь что-то еще выискивать.

ПОСЛУШНИК. И вес тела, отче, совершенно при этом не учитывается?

СТАРЕЦ. Говорю же тебе, что нет. Ведь сам поразмысли: как может учитываться вес тела, если тело само по себе как таковое не падает?

ПОСЛУШНИК. Я знаю это, отче, что не падает.

СТАРЕЦ. Но ты, я подозреваю, опять приготовился представлять. Никак тебе эта наука не идет на ум и ты в этом видишь что-то сверхъестественное.

ПОСЛУШНИК. Вы правы, отче: и на ум не идет, и что-то тут уж больно неестественным пахнет.

СТАРЕЦ. Пойми же ты, глупая голова! При падении происходит лишь рост увеличения движения. Что было бы с яблоком, если бы дело касалось только его естества? Это яблоко принялось бы расти у тебя на глазах и выросло бы до непомерных размеров, в зависимости от того, с какой высоты ты его сбросил. Представь себе эдакое огромное яблоко, зависшее в воздухе, ибо зачем же ему падать, если рост количества движения в нем и так происходит. Знаешь, мы бы жили в мире, подвешенные между небом и землей, непрестанно увеличиваясь в своих размерах. Ты представляешь себе, что бы это был за мир?!

ПОСЛУШНИК. Очень даже хорошо представляю, отче! Эдакие “висячие сады” Семирамиды!

СТАРЕЦ. А это что еще за чудо?

ПОСЛУШНИК. Не сердитесь, отче, но это действительно одно из величайших семи чудес света!

СТАРЕЦ. О горе мне с вашими чудесами! Когда человечество уже перестанет гоняться за ними? Истинные чудеса совершаются у нас чуть ли не под носом, но их никто не замечает и упорно продолжает гоняться за мнимыми. Ну, не чудо ли, что яблоко падая, не падает как яблоко?

ПОСЛУШНИК. Чудо, отче. Но чтоб это чудо увидеть, надо быть глубоко мыслящим человеком. Наш же человек чудо непременно руками ощупать хочет. Знаете ли вы чудо обновляющейся иконы, отче?

СТАРЕЦ. Умоляю тебя, сын мой, не отводи разговор наш в сторону.

ПОСЛУШНИК. Да, отче, но это такое сверхъестественное!

СТАРЕЦ. Но скажи мне, сын мой, что означает это ваше сверхъестественное? *Старуху с клюкой?* Нечто выходящее за пределы разумного?

ПОСЛУШНИК. Так в том-то и вся суть, отче; чем неразумнее, тем сверхъестественнее! Стало бы тогда вообще волновать людей чудо, если бы его можно было постичь?

СТАРЕЦ. Не понимаю такого языческого поклонения неведомому.

ПОСЛУШНИК. Так вы не верите в сверхъестественное, отче?!

СТАРЕЦ. Я верю только в то, сын мой, что сверхъестественное может означать лишь сверхчувственное; а сверхчувственное может находиться лишь поверх самого чувственного, а значит, уже не в нем самом, а в степени на порядок выше, то есть в области мысли. Мысль есть настоящее наше сверхчувственное. И если заполнять мысль не мыслями, а разными чувственными образами, то отсюда и предстанет целая картина несусветных выдумок. Понял ты это, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Кажется, понял. Но из этого следует, что никакого сверхъестественного самого по себе нет, а есть только игра нашей мысли со всеми теми образами, которые окружают нас в чувственной жизни? Но достаточно ли справедливо все это, отче?

СТАРЕЦ. Справедливо лишь то, что отвечает законам истины, друг мой. И потому не всё то, что влезает нам в голову, следует считать справедливым. Нет ничего несправедливее, доложу я тебе, чем считать сверхъестественное некой непостижимой для нас реальностью. Эта реальность есть лишь образом игры наших чувственных восприятий. Людям кажется, что весь этот Божий мир дан им в одних только ощущениях, и это простирается всё дальше и дальше, переходя в какие-то иные миры, сохраняя при этом всё то же основание. Но это путешествие по мирам проводит сама мысль, и всё это сверхчувственное поэтому есть только нашим воображением.

ПОСЛУШНИК. Вы хотите сказать, отче, что каждый из таких людей воспринимает мир с должным яблочком в глазу?

СТАРЕЦ. То есть, что ты имеешь ввиду, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Я имею ввиду, что созерцая, например, падение яблока, такие люди просто не в силах мыслить всей глубины всего происходящего. Оттого обо всем они судят толь-

ко исходя из своих внешних видимостей. Яблочко внешней видимости попросту застит им глаза. Вот я и подумал: а не сидят ли в людях от рождения по два огромных яблоках в их умственных глазах?! Ведь что-то же мешает увидеть им мир по его истине.

СТАРЕЦ. Ты весьма искусно рассуждаешь, сын мой! В самом деле: незря же и шарообразное тело нашего зрительного органа носит именно наименование яблока. Глазное яблоко... гм... есть в этом что-то... какой-то словно намек. Язык наш очень чуток к тайнам мысли.

ПОСЛУШНИК. Да, отче; всюду, куда ни посмотришь, этот вражий образ искажения рода людского присутствует. Далось же нам это яблоко! То оно падает, не падая; то его дьявол в эдемском саду подсовывает, а теперь и вовсе как плод греха оно в сердцевину нашего восприятия вгнездилося! Как только нам от этой его опеки освободиться?

СТАРЕЦ. Есть один простой выход, сын мой; ложись на глубокий опыт мышления с усердием и верой. Поверь мне, что безупречность стройной мысли не подведет тебя никогда.

ПОСЛУШНИК. Тогда вернемся к вашей стройности, отче. Вы всё также продолжаете утверждать, что два камня различных размеров, сброшенные с башни, станут падать так, как будто они не имеют веса, а, следовательно, достигнут земли одновременно?

СТАРЕЦ. А почему так таинственно, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Нет, я вас спрашиваю.

СТАРЕЦ. Хорошо, я отвечу тебе, но почему так таинственно?

ПОСЛУШНИК. Видите ли, от вашего ответа будет зависеть и само объяснение.

СТАРЕЦ. Ах, вот оно что! Тогда я отвечу тебе незамедлительно: вес тела в падении не играет и не может играть никакой роли; камни различной величины достигнут земли одновременно.

ПОСЛУШНИК. Я долгое время питал еще надежду, что вы просто оговорились. Но теперь не могу молчать. Вы даже не представляете себе, какую вы только что ересь произнесли! Она же осуждена церковью!

СТАРЕЦ. То есть, как осуждена? И какое церкви до этого дело?

ПОСЛУШНИК. Самое прямое, отче. Вся наша Богословская наука касательно законов сотворения мира стоит на таком авторитете как Аристотель.

СТАРЕЦ. Ну и что ж из этого? Что этот славный муж говорит о нашем случае?

ПОСЛУШНИК. Да вот именно и говорит, отче, совершенно противоположное вашему.

СТАРЕЦ. То есть как? Он в свободном падении приписывает телу вес?!

ПОСЛУШНИК. Не только он и не только падающему телу, но и всеми соборами приписано нам, как достойным членам тела Христовой церкви, так это понимать.

СТАРЕЦ. Но это же расходится с Божественной правдой откровения! Я тебе это доказал.

ПОСЛУШНИК. А как прикажете это доказать суду инквизиции?

СТАРЕЦ. Не боюсь я никакого суда инквизиции, сын мой, но суда и гнева Божьего. Ты лучше ответь мне: и что до сих пор так и не нашлось ни одного достойного мужа, который бы опроверг этого... как бишь его... Ари...

ПОСЛУШНИК. Аристотеля, отче. Но я прошу вас, по-тише; нас могут услышать.

СТАРЕЦ. Так нашелся или нет?

ПОСЛУШНИК. Как не нашелся; конечно, нашелся... но его постигла в жизни та же участь, которая может постичь и вас.

СТАРЕЦ. Что с ним произошло?

ПОСЛУШНИК. Он был унизительно поставлен перед судом инквизиции и вынужден был публично отречься от своих взглядов.

СТАРЕЦ. Что же он утверждал?

ПОСЛУШНИК. Он утверждал много Богохульного, отче. В том числе и то, что камни различного веса падают с одинаковой скоростью.

СТАРЕЦ. Вот умница! Так они его за это?

ПОСЛУШНИК. Не только. Он к тому же проповедовал еще и еретические мысли Коперника.

СТАРЕЦ. Как его величали?

ПОСЛУШНИК. Галилей.

СТАРЕЦ. Гм... Коперник... Галилей... Странно. Капернаум – знаю... Галилею – знаю... Их не знаю. Но скажи мне, как стало известно об его открытии?

ПОСЛУШНИК. Он сам по доброте своей душевной пошел и рассказал о нем ближайшим монахам.

СТАРЕЦ. А те?

ПОСЛУШНИК. А они как-то странно согласились с ним, сказав, что вот, мол, видишь: ножницы и нож тоже падают одинаково.

СТАРЕЦ. Я думаю, сын мой, что они просто насмеялись над ним, или перевели страшную для них правду в очень удобную игру близких предметов.

ПОСЛУШНИК. Возможно, что и так; но мне кажется, что, играя этими предметами прямо на его глазах, они не просто играли ими, а вполне откровенно намекали ему о тех предстоящих наказаниях, которые могут наступить за такие речи.

СТАРЕЦ. Тоже верно. Однако как всё это ужасно!

ПОСЛУШНИК. Очевидно, истина требует жертв, дорогой отче!

СТАРЕЦ. Но прежде всего истина требует ума, сын мой.

ПОСЛУШНИК. Сколько же требуется ума, отче, чтобы только предположить, что любое тело, падая, падает как **3m x c!**

СТАРЕЦ. Согласен, что много, сын мой; но и это еще не весь ум. Ведь люди даже представить себе не могут, что происходит в дальнейшем с таким пониманием падения.

ПОСЛУШНИК. А что, отче? Падает **3m x c** – формул мира, понятие материи. С этим вскоре сможет ознакомиться каждый школьник. Я не вижу, что может измениться в давно нам известном.

СТАРЕЦ. Не видишь?.. Вот это я и называю полужнанием, когда человек в своем самодовольстве вдруг останавливается и начинает выдавать желаемое за действительное. Ты лучше ответь мне: когда тело, устремленное к земле, падает, то на что оно падает?

ПОСЛУШНИК. Как на что?! Вы думаете, что вам удастся запутать меня, отче? Тело, устремленное к земле, падает на землю, – не мимо же земли оно пролетает!

СТАРЕЦ. Так я и думал! Сатана внешнего представления опять уловил тебя в свои прочные сети! Скажи мне, почему,

начав мыслить, ты не доводишь мысли до конца? Ведь мы же пришли с тобой к тому, что любое тело во Вселенной, как, впрочем, и сама по себе Вселенная, есть только **3m x c**! Или тебя Земля испугала?

ПОСЛУШНИК. Ох, испугала, отче! Думать о какой-либо вещи, даже о Вселенной, что она **3m x c** как-то еще куда ни шло, но вот о целой Земле, на которой живешь, на которой вся история человечества проходит, – страшно!

СТАРЕЦ. А не страшно ли тебе будет узнать, что, так как все тела между собой по долгу своей материи равновеликие, то из этого выходит, что насколько любое падающее тело к земле тянется, настолько и сама земля тянется к этому телу?

ПОСЛУШНИК. Это что же?! В тот момент, когда какое-то летящее тело плюхается на землю, то это можно трактовать как то, что это сама земля на тело упала?! Нечисто тут что-то, отче!

СТАРЕЦ. Да, всё тут чисто, сын мой. Мы просто до сих пор по-настоящему не осознали, в каком мы мире живем. От этого мы и ищем всякое сверхъестественное, которое находится у нас под носом, а не где-то в заоблачных высях.

ПОСЛУШНИК. В чем же оно находится, отче? И что это за сверхъестественное, которое нельзя ни увидеть, ни ощупать!

СТАРЕЦ. Уверяю тебя, сын мой, что настоящая действительность неподготовленному уму впрямь может показаться чем-то несусветным и выходящим за всякие рамки. Но оно совершается каждый раз на наших глазах, только не теми глазами мы все на это смотрим. Для этого требуется глаза мысли. Помнишь, как у Экклезиаста: «Глаза умного в голове его». А вот для тех, кто не хочет знать мир по мысли, во всем до конца его жизни будут чудиться всяческие химеры, превосходящие все разумные законы Божьего мира.

ПОСЛУШНИК. Да, от непонимания глубины действительно Божьих законов у людей в голове давно царит какая-то каша. Все норовят по своим каким-то личным представлениям обрисовать сложнейшую картину мира. И что из этого выходит? Нет стройности, нет единого понимания. Одни чувства и домыслы.

СТАРЕЦ. Слушая тебя, сын мой, хочется воскликнуть вместе с псалмопевцем Давидом: «Доколе, Господи?». И вместе

с тем мне почему-то кажется, что наши беседы с тобой способствуют этому новому уяснению истины. Я думаю, что ты уже даже смекнул, во что обращается существо падения любого тела, изъявленного для мысли.

ПОСЛУШНИК. Признаюсь, отче, что это было не так трудно сделать. Однако как все-таки сложно прийти к такой простой, казалось бы, мысли. Тут, вероятно, главное следует лишь напасть на верный путь. И всё далее пойдет по безупречной логике. Итак, отче, докладываю вам: если любое падающее тело притягивается землей, а сама земля настолько же притягивается падающим телом, то...

СТАРЕЦ. То... ну, иди, иди, сын мой; чего ты остановился?

ПОСЛУШНИК. То на самом деле это падает два одинаковых тела, что по закону математики это можно записать как квадрат понятия материи!

СТАРЕЦ. Ух, ты! Квадрат понятия!.. Вот чего действительно нельзя узнать, не выходя из кельи.

ПОСЛУШНИК. Однако как хорошо говорим мы, отче, об одном и том же на разных языках. Мне, кажется, что сами ангелы могли бы позавидовать нам. На ангельских языках говорим мы, отче!!

СТАРЕЦ. Ну, так уж и на ангельских... Хотя ангельский-то язык ничего другого не значит, кроме как выражения высшей мудрости. Скажи лучше, что из этого *квадрата*-то у нас получается?

ПОСЛУШНИК. Самые обыкновенные вещи, отче. Стоит лишь перемножить $3m \times c$ на $3m \times c$, и у нас выйдет весьма увлекательно выражение.

СТАРЕЦ. Какое же, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Это будет $9m^2c^2$.

СТАРЕЦ. Ага... Видишь ли ты в этом союзе ту материю, что в двух мерах мира оказалась?

ПОСЛУШНИК. Вижу, отче, это m^2 .

СТАРЕЦ. Вот эту-то материю нам сейчас и нужно развести по двум имеющимся в ней мерам.

ПОСЛУШНИК. Мерам материи, отче? Но для этого в науке есть более точное название.

СТАРЕЦ. Надеюсь не какой-нибудь *квадрат*.

ПОСЛУШНИК. Всё вы шутите, отче. А дело может оказаться куда гораздо серьезнее. Ведь когда тело падает, то это означает, что увеличивается количество движения материи, а мера количества движения называется в науке массой.

СТАРЕЦ. Ты смотри, куда шагнула твоя наука! Из ничего, кажись, и масса взялась. Тоже ведь и у вас чудеса происходят!

ПОСЛУШНИК. Так это всё научные чудеса. Я тоже ведь когда-то думал, что масса тела – это всего лишь масса тела и больше ничего. Но, оказывается, что масса есть мерой количества движения, и сколько в теле таких мер – такова и масса. Когда же движение совершилось, как у нас, отче, то в этом случае лучше всего говорить уже о массе.

СТАРЕЦ. Ну, хорошо, уговорил ты меня, сын мой. Раздели теперь полученное нами на две обособленные массы.

ПОСЛУШНИК. Разделил, отче. Это $9m$ и mc^2 .

СТАРЕЦ. Прекрасно! Что же ты можешь сказать о двух частях этого целого?

ПОСЛУШНИК. Ничего, отче. Более того, я не пойму, зачем вы это сделали?

СТАРЕЦ. Пойми, сын мой: это говорит нам о каких-то тайных двух законах Бога! Не могла так просто эта материя-масса слепиться у Него в одну невыразительную кучу. Здесь таится что-то, связанное с тем, чем движение материи себя раскрывает. Оно там внутри себя чем-то есть! А вот чем, давай вместе поразмыслим.

ПОСЛУШНИК. Чем же движение раскрывает себя? Раскрывает себя массами... раскрывает себя мерами...

СТАРЕЦ. Вот то-то же. Теперь уже лучше. Ты хоть понимаешь ли, какие мы с тобой два величайшие закона записали?! На этих двух законах, доложу я тебе, весь наш мир стоит! И Бог его вывел ровно тем ходом мысли, которым мы сейчас с тобой идем. Улавливаешь событие?!

ПОСЛУШНИК. Вот это да, отче!! Сидя здесь в кельи, мы превзошли всё то, что есть в мире, и доравнялись бесконечности!

СТАРЕЦ. Уверяю тебя, что так. И в первом законе, по всей видимости, сказалась вся полнота движения материи, которая только возможна, заполонивши собой всё внутреннее круга. Во втором законе проявило себя, очевидно, состояние этой ма-

терии в другом каком-то, но соответственном себе виде полноты. Первый случай говорит нам о мире, в котором действует особая сила притяжения материй; второй случай свидетельствует нам о том же мире, но в котором уже действует сила скорости света, то есть уже и не сила вовсе, а скорее... как бы это сказать...

ПОСЛУШНИК. Лучше всего назвать это, отче, энергией.

СТАРЕЦ. Энергией? Первый раз слышу. Что это за энергия такая?

ПОСЛУШНИК. Ну, понимаете, отче, солнце ведь не только светит, но оно, я слышал, дает еще и энергию.

СТАРЕЦ. Лучи света, стало быть, несут в себе... как это, бишь, его... энергию... И вижу я при этом, сын мой, только лучистую энергию.

ПОСЛУШНИК. Да, Господь с нею, отче! Самое главное в этом то, что мы можем с вами целые формулы наших открытий записать!

СТАРЕЦ. Формулы открытий? А что; рано или поздно все равно они кем-то запишутся. Что для этого надо, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Да, в общем-то всё уже у нас есть. Надо только латинскими литерами обозначить силу и энергию.

СТАРЕЦ. И ты знаешь эти обозначения, сын мой?

ПОСЛУШНИК. Если я не ошибаюсь, то сила обозначается буквой **F**. И, следовательно, первый закон запишется у нас как:

$$F = 9m!$$

Чтобы он мог означать, отче?

СТАРЕЦ. Я, думаю, сын мой, что, если тело движется с ускорением, то число **9** мы можем назвать величиной этого ускорения. Или ты не согласен?

ПОСЛУШНИК. Я? Согласен?! Но при чем тут эта величина? Мы говорили о неких девяти единицах, выведенных из нашей формулы падающего тела... И при том, отче, я должен вас в который раз огорчить. Величина мирового ускорения давно известна. Она составляет число **9,85 м/с²**.

СТАРЕЦ. О Господи! Так я и предполагал! Я был уверен, что опять надуманную величину предпочтут перед лицом истинной!

ПОСЛУШНИК. Надуманную величину?.. о чем вы говорите, отче? Что-то я вообще ничего не пойму!

СТАРЕЦ. Да, что тут понимать: очередной самообман науки!

ПОСЛУШНИК. Извините, отче, но эта величина была с тщательностью измерена учеными.

СТАРЕЦ. А не было ли измерено с той же прилежностью число π ? Больно уж что-то у тебя память коротка, мой юный друг!

ПОСЛУШНИК. Но позвольте, отче, причем здесь это число?

СТАРЕЦ. То есть как причем? Разве ты забыл, что мы условились понимать число π как целое число **3**, и оно-то и умножилось на себя в условии падения? Или я неверно изъясняюсь по-вашему, по-научному? Пойми, дорогой: между числом π и величиной самого ускорения имеется кровная неразрывная связь.

ПОСЛУШНИК. Похоже, что так, отче; но что из этого?

СТАРЕЦ. А то *из этого*, что если мы возьмем это число в том виде, в котором его до сих пор берут *прилежные* люди, а именно как **3,14**, то возведенное в квадрат оно должно дать столь же обманчивое для мысли, но привычное для жизни измерение ускорения! И оно должно составить не больше не меньше число **9, 85**...

ПОСЛУШНИК. Постойте, постойте, отче... сейчас перемножу... **3,14** на **3,14**... это будет... это будет... Батюшки мои! **9,85**!!

СТАРЕЦ. Вот видишь, сын мой. Мы можем иногда достичь истины, придя от противного. Ведь если *обманчивые* их измерения совпадают между собой, то, разумеется, что также между собой должны совпасть и их истинные измерения!

ПОСЛУШНИК. Выходит, что в жизни мы довольствуемся той величиной, которое дает нам тело, падая по кривой?

СТАРЕЦ. Ну, конечно же, сын мой! Все тела падают по кривой. То, что мы замеряем, есть только движением тела, прошедшего по искривленному пути. По прямой же мышления эта величина составляет неизменных **9** единиц, ибо есть результат квадрата числа π !

ПОСЛУШНИК. Но ведь это же катастрофа, отче!

СТАРЕЦ. Ты говоришь о катастрофе; но катастрофа для кого?

ПОСЛУШНИК. Катастрофа для истинно мыслящих людей. Ведь человечество целиком купится на эту искривленную величину и убедит себя в том, что миром правят вот эти какие-то случайные числа, а не закономерные от Бога! Попрана истина!

СТАРЕЦ. Дорогой друг, боюсь, что большинству людей, никогда не нужна была истина. Люди, как правило, стремятся лишь к тому, чтобы вполне удовлетворить свои практические расчеты. Я когда-то именно из-за этого покинул *грешный* мир. Поверь мне, что число **9, 85** вполне устраивает многих людей. Утешимся уж одним тем, что Господь сподобил нас познать утаенное.

ПОСЛУШНИК. Это так, отче. И самое главное, что закон, открытый Ньютоном, незримо хранит в себе эту тайну. Ее только надо было увидеть разумом и разгадать.

СТАРЕЦ. А как открыл этот закон Ньютон?

ПОСЛУШНИК. Вы не поверите, отче, но говорят, что он открыл этот закон только после того, как ему на голову упало все то же пресловутое яблоко!

СТАРЕЦ. Опять яблоко, сын мой, яблоко познания...

ПОСЛУШНИК. Итак, отче, первую часть из нашей раскрывшейся формулы мы узнали. Это закон Ньютона. Интересно узнать, что же представляет собой записанная нами вторая часть?

СТАРЕЦ. Вторая часть связана у нас, сын мой, если ты не забыл с лучистой энергией.

ПОСЛУШНИК. Ага... значит, нужно обозначить нам эту энергию подходящей латинской буквой. Это буква **E**. Запишем теперь очередную формулу:

$$E = mc^2$$

СТАРЕЦ. Вот к этой формуле, сын мой, человечество, мне кажется, придет не скоро. И знаешь почему? Потому что в падении масса тела есть количеством движения материи. Это еще можно понять. Это касается пространства. Но вот то, что та же масса, может быть и количеством лучистой энергии, то есть стать касающейся времени, — это уж очень трудно будет постичь.

ПОСЛУШНИК. И все же чьей-то светлой головой этот закон будет открыт! Ведь речь-то идет как бы о двух ягодах одного поля. Скажите же мне, отче: неужели двум ягодам этого поля, никогда не захочется вновь воссоединиться? Не может быть, чтобы кто-то в будущем не попытался опять осмыслить два эти выражения как единое целое!

СТАРЕЦ. Попытается, сын мой... и еще как! И скорее всего невероятные усилия приложит тот, кто откроет вторую часть этой великой формулы. Но сами две эти части, мне кажется, ты очень метко назвал... ты говоришь о них, что они словно две ягоды...

ПОСЛУШНИК. ... две ягоды одного поля... здорово, отче? Может быть, когда-нибудь на языке науки это так приблизительно и прозвучит, как, скажем, поиск теории одного, нет, лучше, единого поля! Вот это было бы здорово! Звучит ведь довольно-таки убедительно!

СТАРЕЦ. Думаю, сын мой, что то, что Бог наметил в Своем замысле, то непременно сбудется.

ПОСЛУШНИК. Дай-то Бог, отче! Однако как подумаешь, что из одного только мышления выводиться столько истин о Боге, внутри аж оторопь берет!

СТАРЕЦ. Пойми, сын мой, истина о Боге вообще находится в мышлении. Ложимся-ка спать. Бог есть Мышление.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ О КОЛИЧЕСТВЕ ПЛАНЕТ

ПОСЛУШНИК. Вы знаете, отче, ко мне только сейчас дошло, что девятка действительно выражает собой всю полноту нашего мира, и мира именно находящегося в движении. Так что величина мирового ускорения есть не просто величина, а она указывает на то, что в нашем мире, равному бесконечности, содержится неких таинственных девять мер самого Бога. Как всё это можно объяснить, отче?

СТАРЕЦ. А вот так, как ты и объяснил, сын мой. Девятка есть соразмерная Богу полнота, Его, так сказать, наполненная Разумом бесконечность. Заметь к тому же, дорогой мой, что только почему-то от **1** до **9** каждое число имеет свою неповторимую цифру. Отчего так, ты не задумывался?

ПОСЛУШНИК. Но постоитe, отче, неужели наш Бог – это какой-то бухгалтер или математик? И вообще, как это числа могут иметь к Богу хоть какое-то отношение? Разве вы не верите в Бога как в Живую Личность, отче?

СТАРЕЦ. Я верю в живую реальность Бога, сын мой. Бог есть живая реальность Духа. Но если тебе непременно хочется называть это личностью Бога, то пожалуйста.

ПОСЛУШНИК. Но простите, отче, ведь Бог есть некое Существо...

СТАРЕЦ. Вот именно некое. Ты погряз в представлении. Кто хоть раз мыслил Бога, тот не нуждается ни в каких видах идолопоклонства.

ПОСЛУШНИК. Но при чем тут идолопоклонство, отче? Мы не язычники.

СТАРЕЦ. Хорошенькое дело! Поклоняетесь Богу по образу и подобию своих представлений и говорите при этом, что вы не идолопоклонники.

ПОСЛУШНИК. Но разве Сам Господь не создал нас по образу и подобию Своему?

СТАРЕЦ. Так то Господь нас создал, а не мы должны его создавать по своему образу! Только тот человек, кого Бог удостоил глубоко познать самого себя, может нечто сказать о Боге. А ты заладил, что Господь – личность, а себя ли познал?

ПОСЛУШНИК. Однако я не понимаю, отче, чем мне может помешать мое представление Бога Личностью?

СТАРЕЦ. Ты лучше ответь мне, чем оно тебе может помочь? Открылся ли Бог для тебя в Своих тайнах разумных мер?

ПОСЛУШНИК. Но человеку достаточно и веры...

СТАРЕЦ. Веры во что? В то, что Бог является личностью по образу и подобию человеческому? Что ж для утешения этого достаточно, а для Истины?.. Ты, кстати, обращал ли внимание на слова Благовестия, что «Бога не видел никто»? И знаешь почему? Потому что видеть *простыми* глазами – это обязательно представлять. Ведь как мы видим мир? По внешней его стороне, по лицевой. И как бы мы не стремились увидеть Бога вот так, как я вижу тебя сейчас перед собой, это будет означать лишь одно, что мы хотим увидеть Бога по всё тому же данному нам представлению, то есть по сходству, по свойственному нам, по-человечески.

ПОСЛУШНИК. Погодите, отче; так неужели в Библии говорится неправда?

СТАРЕЦ. А где ты во всей Библии встречал, что Бог – это личность? Подхватили люди чье-то предположение о личности, вот оно и пошло гулять из головы в голову. Общедоступность простоты, сын мой, не такая уж соседствующая сила с истиной. Бог, можно сказать, есть реальное беспрестанно действующее своим Духом Существо.

ПОСЛУШНИК. Вот видите, отче, существо... значит Личность!

СТАРЕЦ. Опять представление. Ну, скажи мне: отчего существо необходимо непременно за личность принимать? Ведь говорят же и о существе предмета, и о существе закона.

ПОСЛУШНИК. Как вы не понимаете, отче! Существо Бога принимать за личность куда гораздо легче.

СТАРЕЦ. Легче – не значит истиннее, сын мой. Ты же видел всю простоту наших прежних доводов?

ПОСЛУШНИК. Видел, отче.

СТАРЕЦ. Так почему же, скажи мне, эта простота не видна всякому?

ПОСЛУШНИК. Потому что эта простота очень глубока и не лежит на поверхности.

СТАРЕЦ. Вот именно, сын мой, *не лежит на поверхности*. Все, что лежит на поверхности, есть обманчивую простоту. Настоящая простота, запомни это, сын мой, может лишь быть простотою глубины.

ПОСЛУШНИК. И такая простота, отче, покоится на самом дне мыслящего Духа?

СТАРЕЦ. Верно говоришь. И вот что я тебе еще скажу: Господь и есть этот Мыслящий Дух, что повсюду и всегда согласован в своих законах

ПОСЛУШНИК. Выходит, что Бог есть Дух, согласованный в Своих законах?

СТАРЕЦ. Истинно так, сын мой; «ибо Себя отречься не может».

ПОСЛУШНИК. Теперь я понимаю, отче, что так воспринимая существо, приходишь с неизбежностью к тому, что все законы и числа – живое тело Бога.

СТАРЕЦ. Но понимаешь ли ты и то, сын мой, что такой Бог должен иметь и какое-то подходящее для Себя наименование?

ПОСЛУШНИК. Понимаю, отче. Он есть Духовное Существо... словом, Идея.

СТАРЕЦ. Что ж, пускай так. Но только Мыслящая Идея.

ПОСЛУШНИК. Таков Бог, следовательно, для мысли, отче, а не для представления?

СТАРЕЦ. Именно так, сын мой, Выведенный нами Бог из бесконечности – подлинно Живой Бог и вся природа Его в свете бесконечности именно такова.

ПОСЛУШНИК. Да, признаюсь, отче, никто еще не выводил Бога из бесконечности, как вы. И даже присущая Богу троичность утвердилась вами из отношения бесконечного Бога к конечности нашего мира. Из всего вами сказанного Бог попросту должен был осуществиться в мире непременно троичным. Ведь как бы иначе соблюлась вся соразмерность Бога с самим собой?

СТАРЕЦ. Да, сын мой, троичность Бога – неизбежная закономерность; это факт.

ПОСЛУШНИК. Но, Боже мой, отче, кто только ни пытался истолковать эту Троицу! До умопомрачения ведь дело доходит! И я даже не хочу утруждать вас, отче, чтобы вы своим объяснением пополнили ряды подобного пустозвонства. Невозможно ведь даже представить себе, чтобы Единое в одно и то же время было троичным.

СТАРЕЦ. Не пойму я тебя, сын мой. Когда я дал тебе повод так усомниться во мне? Почему в тебе нет веры?

ПОСЛУШНИК. Понимаете, отче, я очень боюсь в вас разочароваться. Ну, мыслимое ли дело объяснить Троицу?!

СТАРЕЦ. А по твоему объяснить происхождение трехмерности из бесконечности проще? Эх ты, легкая головушка! Всё это вещи непременно взаимосвязанные. Кто способен мыслить глубоко, тот глубок во всем.

ПОСЛУШНИК. И все же я не представляю себе такой возможности.

СТАРЕЦ. А ты и не представляй, ты – мысли! Разве многое тебе дало твое представление? Ты вот лучше присмотр-

рись-ка к отражению этого затемненного окна. Что ты там видишь?

ПОСЛУШНИК. Вижу свое отражение.

СТАРЕЦ. Сколько вас теперь?

ПОСЛУШНИК. Нас двое: я и мое отражение.

СТАРЕЦ. А кто говорит мне об этом?

ПОСЛУШНИК. Говорю я, осознающий это.

СТАРЕЦ. Значит, выходит, вас трое: ты, твоё отражение и твоё понимание всего этого.

ПОСЛУШНИК. Получается, что так, отче.

СТАРЕЦ. И все же при всем этом ты остаешься один.

ПОСЛУШНИК. Один, отче. Един в трех лицах!

СТАРЕЦ. Вот так и Господь, сын мой, оставаясь единым, пребывает в трех лицах.

ПОСЛУШНИК. Но как это выглядит на самом деле?

СТАРЕЦ. Очень просто, сын мой. Всё порождающий Бог-Отец смотрит на свое отражение в зеркале мира, что является для него уже Богосыном, и в своем же уяснении всего этого есть для себя Богодухом. В этом-то и состоит вся способность безмерного существовать.

ПОСЛУШНИК. Значит, и человек есть такое же совокупное лицо по образу и подобию Бога?

СТАРЕЦ. Совокупное, но только звено из целой цепи звеньев.

ПОСЛУШНИК. А целая цепь таких троичностей и есть сам Бог? Не так ли, отче?

СТАРЕЦ. Да, сын мой, я должен признаться, что мыслю Бога как совокупность всех личностей, какие когда-либо были, есть или будут. Все они взятые в целом и есть для меня живая бессмертная Личность Бога.

ПОСЛУШНИК. Ну, это я еще как-то могу вместить в свое понимание. Но как вместить ту мысль, что девятка выражает собой всю полноту Божью? В чем и как это могло выразиться?

СТАРЕЦ. Это могло выразиться в девяти мерах Божьего присутствия в нашем мире. Или ты забыл об этом?

ПОСЛУШНИК. Нет, я этого не забыл, отче. Но что это за меры?

СТАРЕЦ. Ты меня спрашиваешь об этом, как будто никогда не слышал о величине мирового ускорения.

ПОСЛУШНИК. Величина мирового ускорения и полнота Божья! О чем вы говорите, отче?! Как можно сопоставлять между собой такие вещи?

СТАРЕЦ. Не понимаю, как ты можешь мыслить, не проникая в суть! Ведь именно девять единиц мирового ускорения должны же были тебе о чем-то сказать?

ПОСЛУШНИК. Но о чем, отче?

СТАРЕЦ. Да о том, что это мера измерения бесконечности, шаг Бога во Вселенной.

ПОСЛУШНИК. И где же могли отразиться эти шаги? Ведь следы же должны были остаться.

СТАРЕЦ. Следы шествия Бога, сын мой, отпечатлелись в небе девяткою не падающих тел.

ПОСЛУШНИК. То есть вы говорите о планетах, отче?

СТАРЕЦ. Я говорю о Существое Бога, давшему Себе жизнь, что стала соразмерною Его бесконечности.

ПОСЛУШНИК. Количество планет, отче, есть полнота Бога в Его соразмерности явленному миру? Это вы хотите сказать?

СТАРЕЦ. Именно так, сын мой.

ПОСЛУШНИК. Но весь ученый мир знает только 7 планет. Откуда ж взяты еще двум?

СТАРЕЦ. Придет время и всё станет на свои места. И знаешь, почему я так уверен? Потому что масса тела есть мерою количества движения; а мир наш дан в движении. Стало быть, если величина мирового ускорения равна 9, а эта величина выведена из соразмерных соотношений, то и тел впоследствии должно было образоваться ровно 9! Невидимое Бога стало видимым в этом небесном кедре девятки планет.

ПОСЛУШНИК. Это звучит по-библейски убедительно, отче, осталось только удостовериться в этом на фактах.

СТАРЕЦ. Уверяю тебя, сын мой, удостоверись. Прежде, нежели что явится, у Бога уже в непреложном плане имеется.

ПОСЛУШНИК. Хорошо, отче, но объясните мне, почему планеты не падают?

СТАРЕЦ. Их движение определено, по-видимому, иными единицами соотношений между расстоянием и временем их обращения.

ПОСЛУШНИК. И что это за отношение?

СТАРЕЦ. Боюсь, что сейчас я не могу ответить тебе на этот сложный вопрос.

ПОСЛУШНИК. Погодите, отче. Я не знаю точно, относится ли это к нашему разговору, но однажды на лекции я слышал следующее выражение. Оно касалось движения планет.

СТАРЕЦ. Да благословит Господь твою память!

ПОСЛУШНИК. Припоминаю, отче. Сейчас, сейчас... вот: "квадраты периодов обращения любых двух планет относятся между собой как кубы их средних расстояний от Солнца, то есть $3 \text{ к } 2^3$ ". Ну, что, отче! Какова моя память?

СТАРЕЦ. Я знаю также одну истину, сын мой: чем больше память, тем меньше ум. Вот теперь объясни мне, что значит вся эта твоя ахинея?

ПОСЛУШНИК. Как это что? Вы же искали отношение между пространством и временем относительно движения планет. И там оно выглядит не как $3 \text{ к } 1$, а как $3 \text{ к } 2$. Понимаете?!

СТАРЕЦ. А ты ничего не перепутал?

ПОСЛУШНИК. Упаси меня Бог! Все в точности вам передал. Кстати говоря, еще и попутно вспомнил чей это закон.

СТАРЕЦ. Ну, и чей же?

ПОСЛУШНИК. Старика Кеплера! Только не помню, какой он у него по счету из трех?

СТАРЕЦ. А что этих законов у него аж три?

ПОСЛУШНИК. В том-то и дело. По-моему, этот закон третий, если я не ошибаюсь...

СТАРЕЦ. Смотри, сын мой, нам ошибаться нельзя.

ПОСЛУШНИК. Но в главном-то я точно уверен! Я сейчас вам и строгий подсчет подведу. Слушайте, отче. До сих пор мы имели первую материю, назовем ее земной, где обитали единицы 3 и 1 , которые в сумме дают 4 . Теперь мы получили вторую материю, и мы назовем ее небесной, и там правят числа 3 и 2 , что в сумме дает число 5 . Вы понимаете, о чем это говорит, отче?!

СТАРЕЦ. Я понимаю только одно, что ты что-то говоришь.

ПОСЛУШНИК. Так вот я и говорю, что сумма двух материй 4 плюс 5 дает число 9 !! Как ни крутите, отче, а девятка таки во всех положениях получается!

СТАРЕЦ. Ну, что ж вынужден признать твою правоту. Девять планет – девять мер материи.

ПОСЛУШНИК. Девять кругов, как у Данте, отче! Девять кругов!! Или, нет! Девять сфер в бесконечности Божьего бытия!

СТАРЕЦ. Добавлю только, сын мой, что, наверное, девятка планет и разобщена в себе как-то по-особенному.

ПОСЛУШНИК. Но как, отче?

СТАРЕЦ. Довольно просто, сын мой. Бог не придумывает каждый раз какие-то дополнительные законы. Он действует всей силой своей гармонии. Он мог разместить девятку планет, именно разделив их согласно числу двух материй на две неравные части. Первая часть, скорее всего, состоит из 4-х планет, а вторая – из 5-ти. Ну, как тебе такое предположение?

ПОСЛУШНИК. Довольно логичное, отче. Я даже начинаю чувствовать себя каким-то великим провидцем.

СТАРЕЦ. Но лучше почувствовать тебе всё это во сне. Спокойной ночи, прозорливец.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ О РАССТОЯНИИ ПЛАНЕТ

.....
.....
.....

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ О ГАРМОНИИ МИРА

ПОСЛУШНИК. Дорогой отче, должен вам признаться, что Бога как бесконечность круга мыслю, но полноту Его в девятке чисел никак. Всё мне кажется, что вокруг этой девятки еще что-то находится. Не могла же эта девятка всё в себя вобрать!

СТАРЕЦ. Тут у тебя опять смешалось представление с мышлением. Напрягись-ка.

ПОСЛУШНИК. Да как ни напрягайся, отче, вижу лишь одно: огромное бесконечное пространство, внутри которого вращается девятка планет. Больше ничего.

СТАРЕЦ. И это не плохо, сын мой. Но скажи мне: ты действительно видишь девятку планет внутри бесконечности?

ПОСЛУШНИК. Я вижу ее вот как вас, отче, внутри этой кельи.

СТАРЕЦ. Значит, внутри огромного безмерного места видится тебе место самой нашей девятки?

ПОСЛУШНИК. Именно так, отче.

СТАРЕЦ. Давай теперь помыслим само место, юноша. Если девятка – бесконечность, то где ей должно быть место?

ПОСЛУШНИК. Ох и мудреные ж вещи вы спрашиваете у меня, отче! Я думаю, что то место, которое занимает девятка, может совпасть лишь с тем местом, которое занимает бесконечность.

СТАРЕЦ. Вот видишь, какая ты умница, когда принимаешься мыслить.

ПОСЛУШНИК. И всё же, отче, девятка наша имеет пределы и помимо нее еще что-то размещено.

СТАРЕЦ. Признайся, сын мой, если бы ты нашел сосредоточие некоего центра, из которого всё исходит, им держится и им питается, стал бы ты говорить, что вне его еще что-то находится?

ПОСЛУШНИК. В общем-то, нет... но все эти встречающиеся объекты, эти удаления... размеры и прочее...

СТАРЕЦ. Опять ты за свое! Разве для истины важны размеры? Истина находится в самой сути своей гармонии. Она пребывает лишь в тайной обители понимания. Правда, что истина также должна являться в каких-то размерах; но, как ты заметил, она и явилась в размерах мер разумности единиц материи. Ведь трехмерность пространства тоже, по существу, ничто по отношению к бесконечности, но разумность этих величин именно такая, что отношение бесконечного к конечному может быть только троичным. И заметь, в расстоянии планет – всё та же разумность. Размер меры не в длине, сын мой, а в единицах Разума, которые всему сущему и задали их должный вид.

ПОСЛУШНИК. Стало быть, действительно, девятка планет явилась всей полнотой разумности мер, обитанием Бога, так сказать, в своей сердцевине, в своем ядре! Тут он, в этой девятке тел, что лишь восприняты нами как планеты, очертил для Себя жилище Мудрости. Вижу, вижу, отче, и слышу, как поскрипывает этот гигантский кедр, находящийся в беспрестанном движении. Уф, аж дух захватывает!

СТАРЕЦ. Скажу тебе больше, юноша. То, что мы называем нашим обитанием, есть, по существу, Его обитанием в Самом Себе. Ибо "всё Им и для Него создано". Мы живем внутри лона обитания Бога и гоняться нам еще за какими-то землями, находящимися вне этого, вовсе не пристало.

ПОСЛУШНИК. Да, отче, теперь я отчетливо вижу всю картину, где я нахожусь. Мы в сердцевине Бога, в центре Его бесконечности и другого такого центра попросту быть не может. Бог один и центр один. Два центра существовать не может.

СТАРЕЦ. Теперь подумай, сын мой. Из бесконечности Бог явил Себя в этой разумности мер, в этой стройности тел девятки планет... по образу и подобию ли Он явил Себя?

ПОСЛУШНИК. А как же иначе, отче? Ведь образ и подобие означает сохранность Бога в соответствии Своему явлению.

СТАРЕЦ. Тогда ответь мне: в соответствии к чему Бог выразил Себя в Своем явлении?

ПОСЛУШНИК. Я думаю, отче, в соответствии к законным мерам Своей Разумности.

СТАРЕЦ. Превосходно, сын мой. Выходит, что Бог есть законом мер Своей Разумности, невообразимым Духом согласия этих мер, а вовсе не существом. По девятке планет поэтому мы уже можем судить о Нем, как по Его образу и подобию, потому что это количество и меру Он создал из Себя, то есть из того источника полноты мудрости, чем Он извечно в Себе является.

ПОСЛУШНИК. Ага, понимаю... проступил всей Своей мудростью к нам в мир!

СТАРЕЦ. Плохо ты понимаешь. Не к нам в мир, никакого нашего мира нет, а из Себя выступивший Бог и стал для нас тем, что мы только называем нашим миром. На самом деле мы живем на одной из планет, то есть некой части Его целого.

ПОСЛУШНИК. Ого, отче! Стало быть, всё, что ни есть, является поистине самим организмом Бога, и организм этот есть Его бесконечностью!..

СТАРЕЦ. Ишь, как ты запел, сын мой! Однако продолжай, продолжай.

ПОСЛУШНИК. ... И вот эта бесконечность, явленная в мерах и во плоти, предстала нашим очам как девятка вращаю-

щихся небесных тел. Каково, отче? Этому вы хотели меня научить?

СТАРЕЦ. Смышленный ты малый, ничего не скажешь. Воистину этому я хотел тебя научить. Но это лишь начало пути. Продвинемся дальше.

ПОСЛУШНИК. Куда ж еще дальше, отче? Итак, ведь зашли, что дальше уже некуда!

СТАРЕЦ. Хорош же у тебя Бог, если в нем есть пределы и дальше идти некуда. Ведь мы постигаем бесконечность!

ПОСЛУШНИК. Бесконечность-то бесконечностью, отче, да ведь и ей меры должны положены.

СТАРЕЦ. А тебе, я вижу, палец в рот не клади. В сущности, размышляешь ты верно. Бог имеет пределы в понимании Его бесконечности как разумности мер... это ты верно подметил. Хвалю. Но вот, что касается всех Его свойств, изошедших из этих мер, тут уж для восприятия всегда уготовлена бездна углубления...

ПОСЛУШНИК. Особенно если взять таких, как я, до знания вашей науки, отче. В какой-то только бесконечности своего пустого воображения я не рыскал! А вот истины рядом со мной лежащей не ведал, а значит как бы жил не у себя на родине, а на какой-то чужбине.

СТАРЕЦ. И тут ты прав, сын мой. Мы живем у Бога как на небе Его истины. И если эта истина Разумом не опознана, то мы не знаем кто мы и где мы живем, а, значит, всё это небо истины есть для нас просто чужбиной. Однако вернемся к нашему разговору, сын мой. Ты еще не забыл о чем мы говорили?

ПОСЛУШНИК. Мы говорили о том моем открытии, что предел бесконечности в мерах разумности постигается и что...

СТАРЕЦ. Вот есть у тебя такое плохое свойство как хвастовство. Прошу тебя, не кажись никогда больше, чем ты есть. Бог таких все равно со своей правдой столкнет. Будешь потом за голову держаться и на Бога обижаться. А ведь что посеешь, то пожнешь. А теперь послушай. Мы стоим у порога дальнейшего осмысления Его мер. Как ты думаешь, не видится ли в нашей девятке какой-то особый порядок, что ли?

ПОСЛУШНИК. Еще как видится! Как же не видеть мне очевидного!

СТАРЕЦ. Вот опять ты за свое. Ты не видишь главного, сын мой. Вразумись! Вот скажи: о чем мы можем судить, догадавшись о стройном хоре девятки планет?

ПОСЛУШНИК. Вы уже о хоре заговорили, отче?

СТАРЕЦ. Не увливай, а отвечай. Хор ему не понравился. А кто-то совсем недавно говорил, что слышит исходящую от планет музыку сфер...

ПОСЛУШНИК. Так то...

СТАРЕЦ. Отвечай тебе говорю, хорист... о чем это говорит?

ПОСЛУШНИК. Пока вы меня тут музыкой потчевали, отче, я уже забыл первую часть вашего вопроса.

СТАРЕЦ. Повторяю свой вопрос: из чего выявилась известная нам девятка и о чем она может свидетельствовать?

ПОСЛУШНИК. Действительно, отче! Я как-то об этом позабыл. Ведь из чего-то она явилась... но постойте... постойте, отче... я, кажется, сам начинаю догадываться! Если девятка планет есть образ и подобие, то за этой девяткой должна стоять также девятка величин чего-то! Не так ли, отче?

СТАРЕЦ. О, я слышу слова не мальчика, но мужа! Действительно, сын мой, девятка планет явилась из девятки реальных величин мудрости Бога... вот только как же назвать их, никак не соображу...

ПОСЛУШНИК. Отче, если речь здесь идет о мудрости и Бог есть Разум и находится в понимании, то не назвать ли эти невидимые величины как им и подобается?..

СТАРЕЦ. То есть по образу и подобию самого понимания?

ПОСЛУШНИК. Воистину так, отче. Судите сами: понимание пользуется понятиями. Стало быть, назовем эту девятку Божьей разумности именно понятиями.

СТАРЕЦ. Хорошо, друг мой; это выглядит убедительно. Теперь ты видишь, сын мой, что за видимой стороной девятки планет стоит невидимая и вовеки неразрушимая девятка Божественных начал... Божественных понятий?

ПОСЛУШНИК. Яснее ясного теперь вижу это, отче. Однако неужели это и всё из того, что вы хотели мне поведать?

СТАРЕЦ. А разве тебе и этого мало?! Приелся ты мыслью, сын мой! Ох, как приелся! Я давно замечал, что тот, кто

хоть что-то узнал, уж почему-то не так придает значение узна-
ному. Почему так, юноша?

ПОСЛУШНИК. Видимо, потому, отче, что всякая
услышанная и усвоенная мысль кажется нам всегда простой,
легкой что ли. Ведь она уже есть, уже добыта... И вот тогда-то и
начинает исчезать ее увесистая ценность. Каждый без всякой
благодарности кладет ее себе в голову и относится к ней как к
чему-то давно уже знакомому.

СТАРЕЦ. Ну, ты истинный философ, сын мой. Тем не
менее нам следует идти дальше.

ПОСЛУШНИК. Куда же дальше, отче? Я еще не успел
насладиться всем тем, что я сегодня узнал от вас.

СТАРЕЦ. Идти дальше, друг мой, это значит идти в то
ближайшее, что всегда изначально находится внутри нас.

ПОСЛУШНИК. Выходит, отче, что истинное продви-
жение как раз не означает удаления, а наоборот – наибольшее
приближение, то есть углубление человека в существо своего
духа.

СТАРЕЦ. Рад за тебя, что ты верно разумеешь это. А
ведь большинство, сын мой, не ценит мысли как следует. Не
понимают люди, что всякую умную мысль надо годами облюбо-
вывать. Тогда можно сказать о человеке, что к нему пришла
настоящая мудрость. А до тех пор – суета одна... суемудрие.

ПОСЛУШНИК. Почтенный мой отче... я все же очень
надеюсь на продолжение разговора...

СТАРЕЦ. ...Погоня за наживою знания охватило умы
человечества. Оттого-то уже никто не замечает и не ценит про-
стых откровений Разума. И пуще всего разъедает всё эта пустая
любопытность... подменяющая собой великое дело мысли...

ПОСЛУШНИК. Отче, вы меня слышите?

СТАРЕЦ. Слышу, слышу, сын мой. Я просто пытаюсь
донести до тебя совсем еще новую, никому неизвестную мысль.
Ведь мысль человеческая – это настоящее чудо! Вот ты еще не
знаешь ее... но проходит мгновение и ты о ней узнаешь. Разве
это не волшебство? Мановение Духа и – неведомое нами стано-
вится ясным как на ладони. Всего лишь на всего, кажется. А
сколько в этом совершившегося смысла! Но разве простой ум
человеческий, не осененный даром благодати, способен оценить
по-настоящему такое чудо понимания? Итак, приготовься, сын
мой...

ПОСЛУШНИК. Что я должен буду услышать, отче?

СТАРЕЦ. То, что ты сейчас услышишь, есть глубочайшая тайна, скрытая от века. Ее не знает еще ни один из смертных...

ПОСЛУШНИК. Вы как-то впервые так заговорили, отче...

СТАРЕЦ. А как прикажешь говорить с такими суемудрами, как ты. Ты ведь мысли не ценишь, не лелеешь ее; в голове твоей она не истаивает как вкуснейшая сладость. Кому мысль открылась во всей своей глубине, тому стала известной сладость ее вкушать.

ПОСЛУШНИК. Теперь вы говорите как поэт, отче. Я, право, даже не знаю, чем я вас так обидел.

СТАРЕЦ. Не меня, сын мой... но всякий раз мы обижаем мысль, не воздав ей должного почитания. Мы обращаемся с ней как вот с этой кружкой, с которой пьем воду. Опорожнили ее, утолили жажду, и слава Богу. А ведь мысль – это драгоценный Божественный сосуд, так с ним обращаться не подобает. Мысль уже сама по себе ценность, дар Бога, даже вне зависимости оттого, что ею сообщается. Подумай только, кем бы ты был, если бы не владел мыслью и не обладал пониманием. Подумал? Вот то-то.

ПОСЛУШНИК. Давно бы, отче, вам надо было пристыдить меня. Я в самом деле по-настоящему не оценил всё вами сказанное. А ведь какой золотой родник понимания подарили вы мне! И как всё это важно! Спасибо вам, отче.

СТАРЕЦ. Господа благодари, сын мой, а не меня. Источник мысли не во мне, а в Нем. Однако продолжим нашу беседу. Итак, мы пришли к выводу, что в девятке планет мы созерцаем Лик Божий по Его образу и подобию.

ПОСЛУШНИК. Совершенно так, отче.

СТАРЕЦ. Но не находишь ли ты мудрой ту мысль, что таких ликов у Господа должно быть три?

ПОСЛУШНИК. Почему нет, отче? Ведь Бог един в трех лицах. Только я ума не приложу, где мы сможем отыскать еще два лица?

СТАРЕЦ. Ну, второй Лик гораздо ближе к нам, чем первый. Однако самое близкое всегда лежит от нас как-то дальше всего. Замечал ли ты эту странность?

ПОСЛУШНИК. Меня удивляет другое положение вещей. Как второй Лик Бога сумел уместиться в чем-то ином, кроме девятки планет?!

СТАРЕЦ. А вот то-то и оно, что всё дело не в размерах, а в сути!

ПОСЛУШНИК. Но как же мы узнаем, что всё выглядит именно так?

СТАРЕЦ. А как же мы узнали, что нутро Бога лежит в девятке планет?

ПОСЛУШНИК. Мы узнали об этом, исходя из данных единиц Разума, которые вывелись нами из отношения бесконечности к конечности. И эти единицы в своей сумме $(3+1) + (3+2)$ предстали выражением не размеров, а тех единиц, что допустили присутствие самой сути такого невероятного явления.

СТАРЕЦ. То есть ты имеешь ввиду то явление, в котором конечное раскрылось для нас как бесконечное?

ПОСЛУШНИК. Можно сказать и так. Мы живем в бесконечности, именно благодаря тому, что всем правят эти единицы Разума.

СТАРЕЦ. Так в чем же дело, сын мой? Что тебе мешает выйти на второй Лик Бога?

ПОСЛУШНИК. Я понимаю, отче, что здесь так же должно быть выражение 4 плюс 5, но к чему его можно приложить?

СТАРЕЦ. Да, наконец-то я вижу, что человек вообще потерял почву под ногами.

ПОСЛУШНИК. Не говорите загадками, отче. При чем тут почва?

СТАРЕЦ. А притом, сын мой, что ты совсем не обращаешь внимание на то, что тебя держит.

ПОСЛУШНИК. Да мало ли что меня держит! Хотя постоите... вы имеете ввиду не только меня, но и всё то, на чем всё держится... Неужели Земля, отче?

СТАРЕЦ. Так вот, мой дорогой друг, то, что мы называем Землей, есть по существу вторым Ликом Божьим.

ПОСЛУШНИК. Этого не может быть! Сколько времени человечество живет на Земле и не знает, на чем оно живет?!?

СТАРЕЦ. Мы многое не знаем, сын мой. Особенно же мы не знаем того, что у нас прямо перед носом. Однако наша планета есть именно Вторым Ликом Божьим.

ПОСЛУШНИК. Вы знаете, отче, я вынужден признаться, что мы действительно не знаем, где мы живем. Вот взять хотя бы к примеру того же Коперника.

СТАРЕЦ. А что Коперник, сын мой? Ты это имя где-то уже упоминал.

ПОСЛУШНИК. Понимаете, отче, ведь то, что он должен был открыть первым, он открыл в последнюю очередь.

СТАРЕЦ. Что-то ты опять начинаешь загадками говорить. Разъясни, в чем тут суть?

ПОСЛУШНИК. Видите ли, отче, до Коперника считалось, что Земля не планета, а что она твердо стоит на трех китах и т.д.

СТАРЕЦ. Ну, и что из этого?

ПОСЛУШНИК. Теперь представьте себе: открываются планеты, их уже целых 5, Земля по-прежнему не берется в расчет, и тут вдруг объявляется, что Земля такая же планета как и пять предыдущих. Значит то, что к нам было ближе всего, находилось на самом отдаленном расстоянии. Вот я и говорю, что на то время первое было открыто последним.

СТАРЕЦ. Но мы и до сих пор, сын мой, не знаем толком где и на чем мы живем.

ПОСЛУШНИК. Почему же, отче? Мы живем на третьей ступени 1-го Лица Божьего.

СТАРЕЦ. На третьей это точно. Однако ты забыл, что мы живем в трех Лицах Бога, два из которых нам предстоит еще выяснить. И все же, как нам в целом назвать то, где мы живем.

ПОСЛУШНИК. Даже не знаю, отче, что и предположить. Всё началось у нас с числа 3. Затем оно выросло у нас в число 9. Не так ли, отче?

СТАРЕЦ. Это так, сын мой. И ты знаешь, еще с детства я любил читать книги о тридевятиом царстве. Помнишь такие?

ПОСЛУШНИК. Как же не помнить! Я еще мечтал отыскать, где оно находится.

СТАРЕЦ. Так вот ты нашел это царство, сын мой! Ты живешь в нем!

ПОСЛУШНИК. То есть, вы хотите сказать, что найденное нами *три* и *девять*, за коими стоят Божественные величины, и есть это царство, в котором мы живем?!

СТАРЕЦ. Без сомнения, сын мой. Истину Бога составляет тридевятиое царство, которое еще издавна уловилось муд-

ростью древних сказок. Всегда очень важно не столько уметь жить, сын мой, сколько понимать, где ты живешь.

ПОСЛУШНИК. Теперь я начинаю понимать и то, что я действительно живу не на Земле, а на Втором Лике Божьем и до сих пор не ведал сего. Но тут уж вы должны хорошенько обосновать свой довод! Обоснуйте, отче!

СТАРЕЦ. Будет тебе и довод. Посуди сам: не разделена ли наша планета на две существенные части как в случае с небесными светилами? Там, как мы выяснили, есть группа из четырех тел и есть из пяти.

ПОСЛУШНИК. Так, отче, так. С этим я согласен. Но что ж из этого?

СТАРЕЦ. Плохо знаешь ты Священное Писание, сын мой. Что говорится в Книге Бытия в 1-ой главе в 6-ом стихе? Там сказано: «... да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды».

ПОСЛУШНИК. Теперь понимаю, отче! Наша планета как Второй Лик Божий делится на сушу и на воду! И значит... значит... тут также должны проявить себя числа 4 и 5.

СТАРЕЦ. И как же они себя проявили?

ПОСЛУШНИК. Наглядно, отче! Суша от воды отделилась так, что Второе Лицо Божье нашло Себя в образе 4-х океанов и 5-ти материков! Общая же их сумма составляет число 9.

СТАРЕЦ. Вот видишь, сын мой, как мы не внимательны к тому, что к нам ближе всего. Близорукие мы, видать, на истину люди. Что уж толковать нам тогда о третьем Лице?

ПОСЛУШНИК. В самом деле. Не вглубь же земли нам заглядывать?

СТАРЕЦ. В том-то и вся беда наша, что не умеем мы заглядывать вглубь. А особенно внутрь себя.

ПОСЛУШНИК. Но что такое заглядыванье внутрь себя может нам дать? Сколько не заглядывай, а третий Лик Бога нам там не высмотреть.

СТАРЕЦ. Смотрю я на тебя и удивляюсь. Знаешь же, что человек есть образ и подобие Божье, а как был слеп, так и остаешься таковым.

ПОСЛУШНИК. Я вам правду скажу, отче. Это выражение никогда ни о чем мне не говорило. Образ так образ, подобие так подобие. А вот в чем они состоят, – так об этом только бы хотелось узнать.

СТАРЕЦ. Значит, ты не знаешь этой тайны? Ну, ты хоть веришь в то, что человек стал третьим Ликом выражения Бога?

ПОСЛУШНИК. Человек стал третьим Ликом?!? Вот этого я никак не ожидал!! Выходит, что заглянуть в себя – это и означает обрести такое знание?

СТАРЕЦ. Несомненно. В этом свете человеку труднее всего увидеть человека в себе и в других.

ПОСЛУШНИК. Ага, отче, понимаю! Понимаю теперь слова великого Диогена, который днем с огнем расхаживал по Греции и разыскивал человека. «Ищу человека», – говорит.

СТАРЕЦ. И это на самом деле было, сын мой? Ты ничего не придумал?

ПОСЛУШНИК. Клянусь вам, отче, что всё было именно так.

СТАРЕЦ. Да, постижение истины, в который раз убеждаюсь я, идет у нас каким-то превратным путем. Может быть, потому, что сама истина – вещь далеко не обыденная.

ПОСЛУШНИК. Признаюсь, что истина не лежит на дороге. Законы Бога, в которых мы живем, не написаны на небесах.

СТАРЕЦ. А вот это я где-то уже слышал. Не ты ли об этом мне сказал? Звучит ведь умно: «Законы Бога не написаны на небесах»!

ПОСЛУШНИК. Не помню, отче, я ли это сказал или кто другой... как-то всё спуталось у меня в голове. Однако вернемся к человеку. В чем же его образ и подобие?

СТАРЕЦ. Нет, по-видимому, такие мудрые слова не ты сказал, раз простейшего не можешь постичь в вопросе человека. Скажи мне, с чего мы должны начать?

ПОСЛУШНИК. Мы должны начать с девяти мер... с разделения их на 4 и 5...

СТАРЕЦ. Так, так...

ПОСЛУШНИК. Теперь это нужно подвести применительно к человеку.

СТАРЕЦ. Так подводи же!

ПОСЛУШНИК. Легко сказать «подводи». Вначале человека разделить нужно на две части.

СТАРЕЦ. Так разделяй же!

ПОСЛУШНИК. Тьфу ты, черт меня подери! Ведь любой человек делится на голову и туловище!

СТАРЕЦ. Вот видишь, сын мой, нам не пришлось ничего придумывать. Дерзай далее, испытатель! Что ж мы имеем в части головы и что мы имеем в части туловища?

ПОСЛУШНИК. Но неужели все те же таинственные меры?!

СТАРЕЦ. А ты как думал? Ведь образ и подобие оно во всем есть собой в этих мерах. И Третий Лик Бога не мог быть иным.

ПОСЛУШНИК. Значит, опять-таки, всё главное оказывается не в размерах, а в сути! Восхитительно, отче!

СТАРЕЦ. Наконец-то ты понял, сын мой. Но твоя понятливость приведет ли тебя к тому, чем есть эта четверка мер, что находится у человека в голове?

ПОСЛУШНИК. За это можете не беспокоиться, отче. Я всё давно уже хорошенько понял. В голове у человека находятся его органы чувств. Вот только одна тут незадача, отче, для вас. Чувств-то у нас пять, а не четыре, как того требует разделение мер.

СТАРЕЦ. Ты имеешь ввиду: зрение, слух, вкус, осязание и обоняние?

ПОСЛУШНИК. Именно это я имею ввиду. Что-то тут лишнее, отче.

СТАРЕЦ. Не лишнее, сын мой, а имеющее один корень происхождения.

ПОСЛУШНИК. То есть что-то должно посчитаться за одно?

СТАРЕЦ. Именно так, сын мой. Обращал ли ты внимание, как устроен нос и рот у животных?

ПОСЛУШНИК. Конечно же, обращал. У животных нос и рот словно слиты в одно образование. Это у них называется пастью.

СТАРЕЦ. Так вот у человека всё это предстало гораздо поблагороднее, но, уверен я, что центр восприятия у них является один.

ПОСЛУШНИК. Это чем-то напоминает, отче, как соотносятся между собою Земля и Луна.

СТАРЕЦ. А как они соотносятся?

ПОСЛУШНИК. Понимаете, отче, есть сведенья, что Луна некогда составляла ядро самой Земли, а затем по каким-то законам отпущенная Землею превратилась в спутник.

СТАРЕЦ. Ага, вот оно что... Теперь я совершенно уверен в том, что всё выглядит именно так. Рот и нос – это выглядит как Земля и Луна.

ПОСЛУШНИК. Думаю, отче, что будущее подтвердит наши догадки. Итак, мы имеем четыре органа ощущения. Теперь туловище. Сердце, я так понимаю, соответствует Солнцу, а не какой-либо из девяти планет. Незря сердце и солнце звучит примерно одинаково. Не так ли, отче?

СТАРЕЦ. Но сердце, сын мой, неотделимо от легких. Сердце и легкие – это одно центральное образование организма.

ПОСЛУШНИК. И это, очевидно, связано с какою-то тайною такой необходимости?

СТАРЕЦ. Сердце обслуживает кровь, а легкие – дыхание. Но кровь в организме человека есть, по сути, жизнедеятельным светом. Кровь и свет – не видишь ли ты тут связи?

ПОСЛУШНИК. Значит, кровь есть светом в организме, а дыхание – воздухом. Свет и воздух, выходит, связаны между собой самой нерасторжимой связью.

СТАРЕЦ. Может быть, даже так, что свет переходит в воздух и наоборот. Сердце и легкие, мой друг, кажутся мне нерасторжимыми органами.

ПОСЛУШНИК. Хорошо. Далее остаются: Печень, Желудкишечник, Слезенка... всему этому, слава Богу, я хорошо обучился на своем факультете... и еще: Почки и Мочеполовая система. Bravo, отче, ровно пять! Четыре органа чувств головы плюс пять органов туловища! Образ и подобие девятки мер полностью соблюдены Богом в человеке!

СТАРЕЦ. Ты, вижу, всё с точностью вывел, сын мой. Ответь мне тогда: чем есть для тебя Человек?

ПОСЛУШНИК. Как чем?! Человек есть живая солнечная система, бесконечность Божья, воплощенная в мерах известных нам органов. В этом-то плане человек и есть образ и подобие Божье!

СТАРЕЦ. Только помни, сын мой, что в плане органов, человек есть лишь телесным образом и подобием. В духовном смысле человек есть образом и подобием Бога в значении мыслить, понимать. Никогда не путай этого, мой дорогой.

ПОСЛУШНИК. Но еще один вопрос, отче. Если христианская религия стала Божественной полнотой воплощения всей мировой религии как таковой, то в ней также должны были сказаться все эти девять мер, нами вышеупомянутые?

СТАРЕЦ. И сказались, сын мой, и утвердились.

ПОСЛУШНИК. Вы меня поражаете, отче! Как же они сказались и в чем?!

СТАРЕЦ. Как ты думаешь: случайно ли Библия объединила в себе два Завета, Ветхий и Новый?

ПОСЛУШНИК. В самом деле, отче. Я об этом неоднократно задумывался. А теперь, понимая структуру, по которой творится образ и подобие Божье, начинаю уяснять, что две книги Заветов объединились в одно не случайно, а ровно также как 4 первых планет и 5 других, 4 океана и 5 материков, 4 органа чувств головы и пять туловища... Но где же эти меры в Библии, отче, где?!?

СТАРЕЦ. Скажи мне: какая фигура в Старом Завете возвышается наряду с Христом?

ПОСЛУШНИК. Я думаю, отче, что Моисей. Он вывел израильский народ из Египта и ввел их в земли обетованные. Он получил от Бога первые законы...

СТАРЕЦ. Достаточно, сын мой. Теперь ответь мне: сколько книг принадлежит ему?

ПОСЛУШНИК. Пять. Пойдите, отче! Я, кажется, начинаю что-то понимать! Выходит, что Ветхий и Новый Завет объединены между собою пятью мерами книг Моисея и четырьмя мерами книг Евангелия об Иисусе Христе! Невероятно, отче! Как человечество может жить, не зная всего этого?

СТАРЕЦ. Может, сын мой, ведь живет же. Но у Бога всегда есть время на всё. Придет и то время, сын мой, когда нашу истину будет знать каждый. А теперь давай возблагодарим Бога за то, что он осветил наши темные головы. Ведь Бог еще от начала начал всегда хранил Себя таким, ибо Он был и остается Богом своей Истины.

Аминь.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ
О СТРОЕНИИ БОГА

.....
.....
.....

*** Некоторые главы намерено удалены по соображениям благополучного сохранения за ними авторства.**